

1.635.1
Г41
222381ср

ЧУВАШСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ

Ф. Т. ТИМОФЕЕВ

МАТЕРИАЛЫ

К ВОПРОСУ О ПЕРЕСТРОЙКЕ ГРАММАТИКИ
ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

122
10.08.52

ЧУВАШСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЧЕБОКСАРЫ ♦ 1932

81638
4
4
Т-41
1

ЧУВАШСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ

Ф. Т. ТИМОФЕЕВ

Печатается в дискуссионном порядке

ПРОВЕРЕНО
1959

МАТЕРИАЛЫ
к вопросу о перестройке грамматики
ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

ЧУВАШСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЧЕБОКСАРЫ ♦ 1932

21.035.1-2

Настоящая брошюра выпускается в дискуссионном порядке, в ответ на книгу П. И. Иванова „Основные вопросы чувашской грамматики и изучение ее в школе“.

Учебно-методический сектор НКП ЧАССР, выпуская книгу П. И. Иванова, ставил своей задачей мобилизовать языковедов и широкие круги общественности на перестройку чувашской грамматики, имеющей в данное время значительные недостатки, кои осложняют учебно-воспитательную работу в школах.

Брошюра тов. Тимофеева в этом отношении является первым критическим материалом. Однако, т. Тимофеев останавливается главным образом на разборе основных положений книги т. Иванова и, кроме общих методологических указаний, конкретных предложений о построении новой чувашской грамматики не дает.

УМС НК ЧР, совместно с секцией языка и литературы Чувашского научно-исследовательского института, еще раз обращается к языковедам и всей советской общественности помочь делу создания научной грамматики чувашского языка на основе марксистско-ленинской методологии, внося конкретные предложения по затронутым в порядке дискуссии вопросам.

Поступающие материалы будут использованы УМС и секцией языка и литературы НИИ в работе по перестройке грамматики чувашского языка, а также будут печататься в журнале НКПроса Чувашской АССР „Халăха вĕрентес ёс“ и в бюллетене Чувашского научно-исследовательского института.

УМС НКП Чувашской АССР
Секция языка и литературы Чувашского НИИ.

22238-1р

I. Исходя из каких принципов, П. И. Иванов критикует чувашские грамматики и строит новую грамматику.

На данном историческом этапе язык каждой национальности нашего Советского союза является важнейшим средством общения в деле социалистического строительства и сильнейшим орудием классовой борьбы и национальных культур, социалистических по содержанию и национальных по форме. Такое значение языка обязывает вести определенную политику по отношению как к культуре языка, так и к исследованию его. Само собою разумеется, что в социалистическом государстве культура и исследование языка могут быть поставлены только на началах марксизма-ленинизма, научного мировоззрения революционного пролетариата.

Если возьмем исследование и изучение языка, то в настоящее время в этой области не все обстоит благополучно: идеалистические и механистические теории индоевропейской лингвистики, нашего основного врага в данное время, и ее порождение—формальная школа грамматики, выхолащивающая смысловое и познавательное содержание языка, продолжают еще господствовать в наших школах и ВУЗ'ах—так заявила в своем выступлении группа языковедов-марксистов „Языковедный фронт“, а яфетическая школа академика Н. Я. Марра давно уже с этими направлениями ведет ожесточенную борьбу. Не все обстоит благополучно и в деле исследования чувашского языка. В то же время несомненно, что достижения в области материалистической лингвистики: яфетическая теория, выступление „Языковедного фронта“ и ряд статей и трудов по марксистской лингвистике отражаются и в области изучения чувашского языка. Однако, эти достижения нам даются несразу. Нередко мы по пути к этим достижениям совершаем ряд ошибок, а иногда шагаем и назад. В настоящей статье я хочу остановиться на выступлениях П. И. Иванова по вопросам построения чувашской грамматики. На выступления Иванова необходимо обратить особое внимание потому, что он свое учение выдает за марксистское, в то время как это учение ничего общего с марксизмом не имеет, и, мало того, оно, это учение, в основном идет вразрез с ним.

Свои взгляды на построение чувашской грамматики Иванов изложил в ряде докладов в гор. Чебоксарах и Казани и в статье „Каким методом до сих пор исследовался чувашский язык“ (См. газету „Канаш“, №№ 134, 157, 158 и 161—1930 г.).

Письменными документами для нашего разбора являются упомянутая статья и „тезисы“ к докладам Иванова в Казани.

Основная мысль Иванова такова. До сих пор грамматика чувашского языка строилась не на основе наблюдения и изучения фактов чувашского языка, а путем подражания грамматикам индоевропейских языков; следует же ее строить на фактах самого чувашского языка, его особенностях. Главной особенностью чувашского языка является то, что он язык агглютинирующий, в нем всевозможные формы слов получаются путем приклеивания аффиксов. Отсюда основной задачей чувашского языка является исследование этих аффиксов. По мнению Иванова, в чувашском языке нет так называемых падежей, нет таких категорий речи, как существительные и прилагательные, причастия и деепричастия и некоторые другие,—они в чувашскую грамматику введены только в подражание индоевропейским языкам.

Мы в настоящей статье не будем останавливаться на том, соответствует или не соответствует действительности утверждение, что до сих пор чувашская грамматика строилась не на изучении фактов чувашского языка, а на переносе русских форм и категорий; наша задача показать, какие принципы выдвигает Иванов в деле научного исследования чувашского языка, и насколько эти принципы соответствуют требованиям диалектического материализма.

а) „Русские и другие народности, прежде чем вводить новый падеж, сначала обращают внимание на форму, а не на значение“, пишет Иванов в своей статье „Каким методом до сих пор исследовался чувашский язык“ и требует, чтобы и при построении чувашской грамматики главное внимание обращалось на форму. Таким образом, Иванов является сторонником формального направления в изучении языка.

Положение, что следует строить грамматику формальную, Иванов выставлял в своих докладах и в Чебоксарах и в Казани. Особенно сильно упирал Иванов на форму в своем докладе в Обществе изучения чувашского края от 10 июля 1930 г., десятки раз повторяя, что Ашмарин при исследовании языка и построении грамматики главное внимание обращает не на форму, как бы следовало, а на значение. „Досталось“ от Иванова и другим авторам чувашских грамматик: „Наша грамматика имеет слишком много недостатков... Также никто не может признать, что грамматика Тимофеева формальная. Мы собрались сюда для того, чтобы коллективными усилиями создать новую, формальную грамматику для чувашской школы“, говорит Иванов (Из протокола Об-ва изучения чувашского края от 10 июля 1930 года).

Иванов не только сторонник формального направления в изучении грамматики, он даже крайний формалист. Для него форма языка—только аффикс: есть аффикс—есть форма, нет аффикса—нет формы. Исходя из такого положения, Иванов пишет: „В чувашском языке первообразные основы трудно и нельзя относить к определенной категории слов“. Лаша—лошадь, хура—черный, вула—

читай. По Иванову, слово „лаша“ нельзя отнести к существительным, слово „хура“ — к прилагательным, „вула“ — к глаголам, потому что здесь на лицо не имеется аффикса. Слова типа „лаша“ в отношении формы склоняются, в предложении они преимущественно употребляются как подлежащее и дополнение, могут иметь определение; слова типа „вула“ могут спрягаться, образовывать причастия и деепричастия, в предложении являются сказуемым, имеют ряд и других особенностей — все это для Иванова ничто.

Иванов отрицает приведенные категории и потому, что между ними нельзя проводить строгой границы. Язык есть непрерывный процесс становлений, а потому категории его, как синтаксические, так и морфологические, „непрерывны“. Если мы слова и формы и классифицируем, то это делаем только относительно. Иванов же требует, чтобы мы резко отделяли одну категорию от другой, чтобы между ними не было никаких переходных моментов, разных исключений и т. д., или чтобы мы совсем никакого деления на категории не производили. Ясно, что такое требование противоречит существу языка и является требованием только метафизическим, а не диалектическим. „Диалектика рассматривает вещи и отражающие их понятия преимущественно в их связи и сплетении, в движении, в их возникновении и исчезновении“, пишет Фр. Энгельс.

Материалистическое языкознание провозглашает примат содержания над формой. Форма исторически вырастает из содержания и объясняется им, т. е. содержанием. Содержание же речи, являясь в современном обществе его классовым опытом, в свою очередь объясняется социально-экономической формой. Иванов придерживается противоположной точки зрения, у него приматом является форма.

По общему взгляду всех лиц, подходящих к языку диалектически, современное языкознание переживает кризис, вытекающий из его идеалистического и механистического направлений и господства последних в наших ВУЗ'ах и школах. Иванов, как представитель формальной школы, этого кризиса не видит, по его мнению, все обстоит благополучно: „Изучение русского языка идет вперед быстрыми шагами, и достижения его делаются достоянием школы“, пишет он в своих „тезисах“.

б) Синтаксис и морфология, хотя и имеют качественные различия, но, как две части одного целого, сильно связаны между собою, и изучение одного из них невозможно без изучения другого. В то же время морфология как бы только инвентарь или техника для синтаксиса: речевое общение производится только в синтаксической форме. Синтаксис — главное морфология как бы его кладовая с инвентарем. Это еще не все. С точки зрения истории, сначала был только синтаксис, морфология появилась после. Синтаксическое словосочетание в результате целого ряда сложных процессов дало и префиксы, и флексии, и суффиксы. Имеющиеся в языке категории речи тоже появились и являются, как

результат синтаксического употребления слов. Синтаксическое же употребление слов в свою очередь находится в непосредственной связи с их семантическим содержанием.

Отсюда материалистическое понимание языка провозглашает необходимость, чтобы мы в морфологии при классификации слов и форм имели в виду и их синтаксические функции, то, для чего эти слова и формы созданы, и отвели им подобающее место.

Благодаря функции и синтаксических особенностей, русские грамматисты слова типа „столовая“ в морфологии относят к существительным, слова типа „папа“—к словам мужского рода, слова типа „писал, писала, писало, писали“ относят к глаголам. Если бы примат принадлежал аффиксам, морфологии, то мы слова первого типа должны бы отнести к прилагательным, второго типа—к словам женского рода, третьего типа—к одной категории со словами: „добр, добра, добро, добры“: Благодаря же примата функции и синтаксиса, мы слова типа „стола, коня, парты, бани, столов, коней, парт, бань“, отвечающие на вопросы кого? чего? относим к одному родительному падежу; если бы примат принадлежал морфологии, аффиксам, мы должны были бы отнести их к восьми разным падежам.

Правда, производя как бы чисто морфологическую классификацию слов, мы о синтаксической роли их говорим мало. Это происходит потому, что здесь классификации морфологическая и синтаксическая в общем совпадают. В случаях же несовпадения или противоречия, мы и в морфологии говорим о синтаксических сторонах языка, как это видели выше.

Держится ли Иванов синтаксического принципа в морфологии?—Нет. О синтаксическом принципе в морфологии он не только упорно молчит, но даже и отрицает. Отсюда он отрицает падежи, категории существительных и прилагательных, не различает „лаша“ от „вула“, „вула“ от „хура“, сводит в одну группу слова типов „кайакан“ и „кайса“ и т. д.

в) Материалистическое языкознание в лице яфетидологии пришло к признанию единого глоттогонического процесса, являющегося следствием одинаковой системы мышления на базе сходных производственных отношений и сходной общественной структуры. В силу такого процесса, чувашский, русский и другие языки имеют ряд общих моментов.

Иванов не решается отрицать общие моменты чувашского, русского и др. языков, но самое сопоставление этих языков в деле изучения их он считает ненаучным. „Сравнение двух неродственных языков (в данном случае чувашского и русского, Ф. Т.) и составление таким путем грамматики другого языка—дело самое негодное“, пишет он в своей статье. Само собою разумеется, что путем сопоставления только с другими языками грамматики никакого языка не создать, так никто и не работает. Но самое отрицание в исследовательском деле сопоставления одного языка с другими, с языками другой системы—это есть отказ от достижений науки, отказ от признания единого

глоттогонического процесса; оно есть признание генетической независимости языковых систем друг от друга, т. е. самый подлинный метафизический подход к языку. „В деле исследования языка и преподавания его в школе измерение двух разных предметов одной меркой не дает ничего, только понятное делает непонятным“, пишет Иванов в той же статье, говоря о сопоставлении чувашского языка с русским и др. языками. Здесь, во-первых, Иванов научно-исследовательскую работу смешивает со школьным преподаванием. (См. дальше лит. „е“, абз. 6—8). Во-вторых, что представляют по отношению друг к другу чувашский и русский языки: „два разных предмета“, несравнимых между собою, или что-то другое? И чувашский язык, и русский язык возникли и развились на почве одной общей потребности человеческого коллектива, оба они выполняют одну общую социальную функцию—являются орудием общения и мышления. Мышление, сознание определяется бытием. В этом бытии у чуваш и у русских имелось и имеется очень много общего. Следовательно, такие общие моменты имеются и в их языке, отражающем в себе социально-экономическую формацию в историческом аспекте. Имеются они в содержании языка и в его форме: и в лексике, и в синтаксисе, и морфологии, и в фонетике. Отрицать эти общие моменты и возможность сопоставления чувашского языка с русским или каким-либо иным может только самый закостенелый метафизик.

Для Иванова иного выхода и нет: раз он, исходя из формальных соображений, даже слова типа „вула“ не может отнести к глаголам, то какая может быть у него речь о сопоставлении чувашского языка с языками другой системы.

г) Для построения грамматики какого-либо языка признания единого глоттогонического процесса и взаимозависимости всех языков мира еще недостаточно. Необходимо еще указать „всю совокупность многообразных отношений этой вещи к другим“ (Ленин); необходимо еще определить место этого языка среди др. языков, отношение его к языкам той или иной системы, той или другой группы, использовать все научные достижения, имеющиеся в деле изучения этих языков, и произвести необходимое согласование. Каково отношение Иванова к этому принципу? Повидимому, самое неопределенное. С одной стороны, он в своих „тезисах“, говорит о применении Ашмариним „к объяснению явлений чувашского языка общего учения о тюркских языках“ и находит это заслугой со стороны Ашмарина. С другой стороны, он обвиняет Ашмарина в том, что он чувашскую грамматику создал путем переноса индоевропейских форм и категорий. Фактически же Иванов чувашский язык определил только как агглютинативный. К агглютинативным же относятся не только тюркские, финские, монгольские, тунгусские и японские языки, но и большинство языков земного шара. О том, к которому же из них чувашский язык стоит ближе, Иванов не говорит. Таким образом, в выявлении места и связи чувашского языка с другими Иванов пошел не вперед, а назад: более опре-

деленное заменил менее определенным. Такая неопределенность в свою очередь отрицательным образом должна была сказаться и на построении Ивановым грамматики чувашского языка, что мы на самом деле и видим.

д) „Чтобы грамматика родного языка была понятна, более легка, ее не следует исследовать с точки зрения нескольких принципов“; „Ашмарин же глаголы чувашского языка рассмотрел совсем по другому: в одном случае со стороны формы, в другом—со стороны значения, в третьем—со стороны русского и латинского языков“, пишет Иванов в своей статье. Здесь, во-первых, последней фразой Иванов необъективно и искаженно освещает факт. У проф. Ашмарина нет такого подхода к языку, чтобы он, скажем, настоящее время рассмотрел только со стороны формы, будущее время—только со стороны значения, сослагательное наклонение—только со стороны общности и различия его с другими языками. Каждый языковой факт проф. Ашмарин рассматривает со стороны формы и значения, функции; кроме того, он при этом стремится учесть все достижения науки о языке по линии исследуемых вопросов. Такой подход не есть недостаток, а достоинство. Здесь мы видим не эклектизм, а освещение разных сторон и частей одного целого в его единстве. Во-вторых, Иванов здесь является идеологом упрощенства в исследовании языка и в построении его грамматики. По его мнению, чувашскую грамматику следует строить проще, поэтому и самое исследование языка должно быть не всестороннее, не с точки зрения нескольких принципов, взаимно дополняющих друг друга и дающих полный грамматический анализ и синтез, а ..., „проще“.

Соответствует ли такая установка в исследовании языка требованиям диалектического материализма?—Ни в какой степени. Диалектический метод рассматривает действительность, как бесконечное сплетение, сращивание и взаимодействие ее определенных сторон и частей, находящихся в постоянном развитии. „В любом предложении можно (и должно) как в „ячейке“ (клетке) вскрыть зачатки всех элементов диалектики“. „Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все стороны, все связи и „опосредствования“. Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостерегает нас от ошибок и от омертвления“, пишет Ленин.

Упрощенство в области исследования языка и построения его грамматики, выкидывание имеющихся в нем категорий и подкатегорий и сведение их всех: существительных, прилагательных, числительных, местоимений, наречий и деепричастий только в одну кучу „изменяемых слов“ с запрещением дальнейшего изучения этих изменяемых слов и подразделения их, или „выбрасывание из чувашской грамматики имен прилагательных“, якобы потому, что „это облегчит понимание русских прилагательных“, как рекомендует Иванов в своих „тезисах“,—все это ничего общего с диалектическим материализмом не имеет.

Рекомендуемый Ивановым метод упрощенства не достигает поставленной им же самой цели, состоящей в том, чтобы вновь

построенная научная грамматика была легка и понятна читателю. Для того, чтобы явление понять самому и в понятной форме передать его другим, надо его всесторонне исследовать. Только в таком случае благоприятно разрешается вопрос о понятности и доступности наук в деле преподавания или в каком-либо другом практическом применении их. Пока научно, всесторонне не исследована система чувашских грамматических времен и наклонений или система склонения, до тех пор не может быть и речи, чтобы преподавание и усвоение их было поставлено правильно и в наиболее рациональной форме.

е) Материалистическое языкознание требует выявления движения языка, количества и качества этого движения, борьбы содержания с формой и т. д. По формулировке Ленина, предмет изучения должны быть: „борьба содержания с формой и обратно; сбрасывание формы, переделка содержания; переход количества в качество и обратно“. „Содержание родит форму и тем обеспечивает себе дальнейшее развитие. Но дальнейшее развитие делает неудовлетворительной его форму, возникает противоречие. Противоречие ведет к борьбе; борьба к уничтожению старой формы и к замене ее новой, которая в свою очередь обеспечивает дальнейшее развитие содержания, которое делает ее неудовлетворительной и т. д. и т. д.“ (Плеханов). Почти такая же борьба между содержанием и формой, такая же борьба к уничтожению старой формы и замене ее новой формой идет и в языке, который представляет собою „реальное сознание“, специфическую идеологическую надстройку, опосредственное отражение общего исторического процесса развития общества, и необходимо эту борьбу в языке выявить.

Говорит ли Иванов хоть что-нибудь подобное?—Ни слова. Наоборот, он в своих статьях и докладах требует, чтобы мы меньше говорили в своей грамматике об этом движении, о разных промежуточных ступенях, о переходе слов и форм от одной категории к другой, о связи чувашского языка с др. языками и т. д.

Приведение в грамматике такого рода материалов он считает увлечением стариной, уклонением от изучения современного языка, отрывом науки от жизни, нарушением единства теории и практики, этого одного из основных требований диалектического материализма. „Историческое и сравнительное изучение языка недоступно учащимся“; „Задача школы—изучать современный язык“, пишет он (казанские тезисы, пп. 28 и 29).

Во-первых, мы здесь со стороны Иванова видим искажение фактов: а) Имеющиеся грамматики по чувашскому языку являются грамматиками современного языка, а не языка, который существовал лет 100—200—500 тому назад; никто не отрицает, что предметом изучения в школе должен быть язык современный, язык современного социалистического строительства. б) В грамматиках—пособиях для учащихся чувашских школ никакого „исторического и сравнительного изучения языка“ нет, чтобы кричать караул, а имеются только материалы, дающие воз-

возможность понять происхождение некоторых форм современного языка, судить о его движении и о его месте среди других языков.

Во-вторых, такого рода материалы в пособии по языку требуются и новой программой по языку для техникумов, принятой УМС НКП РСФСР в 1930 г. В этой программе имеются, между прочим, следующие вопросы: „Языки, наречия, говоры“, „Языки наших соседей“, „Взаимозависимость всех языков мира“, „Возникновение звуковой речи“, „Развитие формальной стороны звуковой речи“, „Пережитки древнейших эпох в современном языке“ и др.

Приведение в грамматике элементов истории диктуется интересами самого познания. „Материал и форма родного языка только тогда могут быть поняты, когда прослеживают его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставлять без внимания, во-первых, его собственные омертвевшие формы; во-вторых, родственные живые и мертвые языки“, пишет Фридрих Энгельс. По заметкам Ленина (в его „Философских тетрадах“), история языка является одною из „тех областей знания, из коих должна сложиться теория познания и диалектика“.

Если взять школу, то в ней сначала наблюдают над движением и изменениями современного языка, затем начинают выходить за пределы современности—делают исторические экскурсы, наконец принимаются за изучение истории языка, связанную с историей многих языков и сравнительным изучением их.

Изложение пособий по чувашской грамматике с историческими экскурсами и сравнениями есть не минус, как об этом кричит Иванов, а плюс. Если уж обвинять, то скорее следует обвинять не за приведение этих материалов, а может быть за то, что они приведены не в достаточном количестве, или может быть за то, что они недостаточно ясно и понятно изложены или даже совсем неправильно освещены.

В-третьих, мы здесь, как и во многих других случаях, со стороны Иванова видим смешение научной работы с составлением учебника. Правда, между ними общие моменты встречаются как в отношении объекта, так и методов работы, но что научная работа отличается от преподавания этой науки в школе—это неясно только одному Иванову. Задачей науки является точность в понимании и выражении исследуемого объекта, всестороннее изучение его, „бесконечный процесс познания человеком вещи, явления, процессов и т. д. от явлений к сущности и от менее глубокой сущности к более глубокой“, „вещь как сумма и единство противоположностей“ и т. д. (Ленин). В школе же объем и глубина изучения предмета определяется программой учебного заведения той или иной ступени, того или иного типа. Наука обнимает все вопросы данного предмета, явления; учебник же только незначительную часть ее, в зависимости от программы, от возраста и развития учащихся. Если учащимся падежи даются с трудом, то значит, что о них пока не надо говорить или улучшить методы преподавания; если чувашские глаголы очень сложны, то значит, что сначала надо изучать только наиболее важные и активные их моменты.

С другой стороны, трудовая школа не должна увлечься легкостью обучения. Всякая работа представляет некоторую трудность, которую ученикам следует преодолеть. Основные моменты всего того, что вошло в программу, должны быть проработаны не упрощенно, не поверхностно, а по возможности глубже; лучше меньше, но качественно и методически лучше. Учащиеся трудовой политехнической школы должны быть воспитаны таким образом, чтобы они принимались не только за интересную работу и доводили ее до конца, но и за всякую полезную и необходимую работу, которая им по силам, и необходимость которой ими осознана. Интерес же, если его в начале нет, появится в процессе самой работы.

Таким образом, смешивая научную работу с составлением учебников, Иванов научные труды или пособия по грамматике критикует с точки зрения требований учебника. Такой подход, конечно, не выдерживает никакой критики.

ж) „Развитие языка невозможно без вместе живущих, говорящих друг с другом людей“ (Маркс). По Плеханову, язык „можно назвать условием и орудием, причиной и следствием общественности“. Без общественности языка нет и не нужно. Материалистическое языкознание требует возможной увязки изучения языка с производственными отношениями, общественной структурой и историей, опосредствованным отражением которых он является.

Говорит ли обо всех этих особенностях Иванов?—Ни слова. Он даже, должно быть, против этого, ибо здесь в исследовании языка мы имеем новое положение, новую сторону, новый принцип, а язык, по убеждению Иванова, „не следует исследовать с точки зрения нескольких принципов“.

Из социальности языка вытекает другая его особенность, а именно классовость. Применение в изучении языка, в первую очередь в лексике и семантике, принципа классового подхода, является одним из основных требований материалистического языкознания. Только при таком подходе изучение языка может быть наиболее полным и использовано максимальным образом, как орудие социалистического строительства, как орудие национальной культуры, пролетарской по содержанию и национальной по форме. Говорит ли Иванов об изучении языка в классовом разрезе?—Ни слова.

Материалистическое языкознание не только изучает язык, но, учитывая его закономерности, и нормирует его, дает его развитию определенное направление, согласно целям и задачам революционного пролетариата и трудящихся масс. Здесь революционная практика предполагает революционную теорию. Формализм, метафизика, отрицание изучения движения языка, провозглаемые Ивановым, ничего общего с революционной теорией пролетариата не имеют, а только противоречат ей.

з) Мы не успели еще полностью освободиться от идеалистического, иногда и от механистического взгляда на язык. Борется ли против такого взгляда Иванов: указывает ли он в этом от-

ношении ошибки авторов чувашских грамматик, которые у них безусловно имеются?—Опять нет. Он не дает ни одного указания на идеалистическое или механистическое объяснение явлений языка прежними авторами, как будто у них никаких ошибок и промахов в этом отношении не имеется. Наоборот, он ругает их за то, что они более правильно подходят к языку, чем он сам.

Существующие чувашские грамматики в основном строились по методам индоевропейстики (логико-психологическое направление Ашмарина, формалистические моменты у Тимофеева и др.). Кризис же индоевропейской лингвистики есть кризис прежде всего методологический. Ясно, что индоевропейская методология должна быть заменена новой, марксистски-ленинской. Отсюда ясно и то, что критике и пересмотру подлежат все грамматики, в том числе и чувашские. Все вопросы языка, все имеющиеся в нем формы и категории, как крупные, так и мелкие, должны быть перестроены заново. В результате марксистского исследования, многое из того, что до сих пор как бы узаконилось в грамматике, будет отменено, многое переделано, многому дано новое, диалектическое объяснение и т. д. В частности, относительно своей грамматики я скажу, что она далеко не является марксистской. В ней, безусловно, много еще такого, что противоречит марксистскому пониманию явлений языка. В своей грамматике промахи идеалистического и формалистического порядка, например, в отношении характеристики глаголов и др. частей речи, классификации слов и форм, терминологии и в некоторых др. случаях вижу уже я сам, но они не те, которые указывает Иванов. Еще больше у меня вопросов не совсем ясных, требующих изучения. Тем не менее я свою грамматику нахожу более научною, чем та, которую предлагает Иванов. Предлагаю формалистику, метафизику, упрощенство, отрицая единство глоттогонического процесса и др. достижения материалистической лингвистики, Иванов науку толкает не вперед, а тянет назад.

В свое время, например, на докладе от 10 июля 1930 года, т. Н. Золотовым, мною и др., было указано Иванову на то, что формалистическая концепция несовместима с требованиями диалектической лингвистики, но Иванов на это указание никакого внимания не обратил, и его статья „Каким методом до сих пор исследовался чувашский язык“, в которой приводится самый голый формализм, появилась после этих указаний. И после этих указаний Иванов продолжал настаивать на том, „чтобы коллективными усилиями создать новую, формальную грамматику чувашского языка“ и „железной метлой“ выметать тех, кто не признает формальной грамматики. Нельзя не отметить, что Иванов имел успех, но организовать на основе формализма особый коллектив ему все же не удалось.

О грамматических принципах Иванова я говорю постольку, поскольку они выразились в названной статье и в „тезисах“. После языковой дискуссии в октябре-декабре 1930 года, в которой и яфетидологи и „Языковедный фронт“ объявили беспощадную борьбу формализму и всяким идеалистическим и механистичес-

ким возрениям в языкознании, Иванов уже, по всей вероятности, отказался от выпячивания формализма и стал ближе к требованиям современности. Но отказался ли он полностью в настоящее время от своих принципов? Если отказался, то он должен отказаться и от своей статьи „Каким методом до сих пор исследовался чувашский язык“, и от своих „тезисов“, и от тех докладов, которые он сделал в 1930 году, исходя из основ формальной грамматики индоевропейского языкознания, являющегося в настоящее время основным врагом диалектико-материалистической лингвистики.

Мы до сих пор говорили об основных принципах исследования языка и построения грамматики, выдвигаемых Ивановым, и видели, что он в этом отношении науку толкает не вперед, а назад. Тоже самое приходится сказать и относительно объяснения Ивановым отдельных конкретных языковых фактов. Здесь он выявил такое же неглубокое, поверхностное понимание их, как и в вопросах принципиальных. Об этой стороне работы Иванова нами будет сказано особо.

1931 год, апрель.

II. Как П. И. Иванов обращается с теми языковыми фактами, которые критикует.

При серьезном научном подходе к делу освещение тех или иных языковых фактов зависит от тех взглядов на язык, которых придерживается автор, и тех принципов, которые кладутся в основу изучения языка и построения грамматики. Такое положение является правильным и по отношению к П. И. Иванову, что мы и видели выше в статье „Исходя из каких принципов П. И. Иванов критикует современные чувашские грамматики“.

Кроме принципиальных установок, в анализе языковых фактов у П. И. Иванова очень большую роль играют моменты и другого порядка. Поэтому для оценки выступления Иванова небесполезно остановиться на ряде отдельных конкретных фактов, которых он касается. Здесь он далек не только от требований новой грамматики, но даже и от тех скромных, но тем не менее ценных достижений старой грамматики, которые она имеет хотя бы, например, в смысле объяснения значения и употребления отдельных грамматических форм и явлений. Как Иванов относится к отдельным фактам языка,—это будет видно из дальнейшего содержания нашей настоящей статьи.

1. Иванов любит приписывать себе, как открытие, то, что другими давно сказано и написано.

а) Иванов особенно напирает на то, что „в чувашском языке имеются аффиксы“, что с помощью их получают производные слова и изменение слов, образование одной формы от другой и т. д., и что „это совсем не то, что пишет Ашмарин“ и др.: „Анѣх ёс пёрре те Ашмарин каланӑ пек мар, тѣлхере аффик-

еем пур". Выходит, что Ашмарин и др. отрицают или умалчивают аффиксы, образование с помощью их производных слов, одной формы от другой. Такое утверждение Иванова является результатом полнейшей безграмотности его в данном вопросе. О чем говорится, например, хотя бы на 54—166 стрн. моей грамматики, в отделе морфологии, как не об аффиксах? Здесь говорится об их звуковой стороне и значении, функции, об их происхождении и изменении; о том, с какими категориями слов они употребляются и т. д.; говорится об аффиксах и в более общем виде и с точки зрения дифференциации их; даются на них таблицы, схемы, чертежи; в конце книги (изд. 1924 г.) приводится перечень наиболее употребительных аффиксов и т. д.

Аффиксы для Иванова—его собственное открытие; для всех же знающих чувашскую грамматику или грамматику какого-либо урало-алтайского языка—давно известная азбучная истина.

Между прочим, Иванов на примерах хочет показать, каким образом слова разлагаются на аффиксы. И что же: из трех приведенных им случаев он правильно проанализировал только один случай: слово „калань“ разложил на „кала-нь“. Слова же „калакан“ и „кала“ (из „кала пуслань“) он разложил на „калакан“ и „кала“ вм. „кал(а)-а-кан“ (сравни. „пар-а кан, тав-а-кан, хыт-а-кан“) и „кал(а)-а“ (сравни. „пар-а-, тав-а, хыт-а пуслань“). Фонетика чувашского языка не терпит сочетания в слове двух гласных, в данном случае двух „а“, и в произношении первое из них выпадает. Иванов из трех случаев не сумел проанализировать два случая. Между тем разбор их дан и в книге Ашмарина и в моей книге.

б) Слова типа „тутарла“ я отнес к числу таких слов, которые принимают аффиксы „и“ и „скер“ (118 и 145 стр.). Иванов повторяет то, что я написал, и тут же пишет: „Автор, видимо, находясь под влиянием перевода, совершенно не заметил, что... „тутарла“, как всякое прилагательное, имеет все три формы: „тутарла, тутарли, тутарласкер“.

в) В тезисах Иванова имеются пункты такого рода: в чувашском языке, „как правило, определение всегда стоит впереди определяемого“, или: в чувашском языке „о значении многих слов догадываемся по контексту“. Что здесь дискуссионного? Неужели приведенные положения для Иванова являются новым словом в науке о чувашском языке?

г) „Находясь в полном подчинении законам русской грамматики, Тимофеев совершенно“ „ничего не сказал“ о таких типах чувашских предложений, как „Епё вёсем лаша шаварнине куртам“, а между тем они в жизни языка играют очень большую роль, пишет Иванов. Не „ничего не сказано“, а я таким типам предложений посвятил целых пять параграфов: 201, 203, 204, 205 и 206.

д) „Прежняя грамматика обратила внимание только на одну сторону личных аффиксов, а между тем для языка гораздо более важное значение имеет вторая функция их—обозначать определенность, известность“, пишет Иванов. И здесь Иванов пи-

шет не то, что следует. Во-первых, в дискуссионных материалах о перестройке грамматики приводить такого рода замечание особым пунктом нет смысла. Указать все значения и оттенки какой-либо формы очень трудно, и упущения в этом отношении будут у любого автора. Укажет Иванов шесть значений аффикса „па“ или „та“—я ему приведу седьмое. Захочет Иванов побить рекорд—приведет восьмое значение. Во-вторых, в чувашской грамматике, вопреки утверждению Иванова, указывается не одно значение личных или притяжательных аффиксов, а семь: а) указание субъекта действия: кил-ёп—приду, сыр-т-ям—я написал, ха-м—я сам; б) указание принадлежности: пуç-ям—моя голова, Иван кёнеки—книга Ивана; в) указание зависимости или отношение одного предмета к другому: сул сынни—дорожный человек, тилё йумаххи—сказка про лису; г) указание выделения и определенности: Иванё калат—тот, который Иван, говорит; силё вёрет, сумарё сумаст—ветер дует, а дождя нет (дождь не идет); хури—то, что черный; виссёмёше—третий, то, что третий; д) указание присутствия какой-либо особенности: йапалти—льстивый, пакалти—болтливый; е) указание места: вярманти—лесной, то что в лесу (пункты „д“ и „е“ представляют особые случаи выделения); ж) при обращениях для выражения особого отношения: аҗам, кил-ха кунта. При желании можно указать и другие значения личных аффиксов: нумайёше, пурте (пурё те). Таким образом, то, что Иванов приписывает себе, сказано давно. (Ашмарин, „Материалы“, стрн. 133, 136, 156, 157, 163-176, 192. Его же „Синтаксис“, часть 1, стрн. 24. Тим. Хёв., крам., стрн. 58-62, 120, 125).

е) В 53-61 пунктах казанских тезисов Иванов дает схему своей грамматики. Нет ничего нового и здесь, за исключением упрощенства, вытекающего из его крайнего формализма. Кроме того, в этой схеме Иванов главное внимание обращает на изучение аффиксов словообразования, их он в свою очередь делит на разные категории и подкатегории; аффиксы же словоизменения у него остаются на самом заднем плане. Между тем в нашей речи в словосочетании основную роль играют аффиксы словоизменения, они же аффиксы синтаксические, и они прежде всего и главным образом должны быть объектом изучения. Иванов поступает как раз наоборот.

2. Кроме повторения старого, выдаваемого за свое открытие, Иванов старается дать некоторым языковым фактам новое объяснение. К сожалению, ни одно новое объяснение его не соответствует действительности.

а) „Подчинение духу русского языка не дало автору возможности отличить важное значение „ёске“, „которое всякое слово способно обратить в чувашском языке в сказуемое“, пишет он. Ошибается: „ёске“ в чувашском языке выражает не сказуемость, а только усиление: „Вал җанне җан, анҗах есе ана ёслеттерсе усаллантаратан-ёске. Маттур та-ёске сирён аҗавр ёслет.“

б) „Выделение в чувашском языке винительного падежа не выдерживает критики. Оно основано на законах других тюркских языков и на рассмотрении переводов на русский язык“, пишет Иванов. По его мнению, то, что называют винительным полным, следует отнести к одному падежу с дательным, а так называемый винительный краткий следует рассматривать, как особую самостоятельную форму. „Иван пулă тытрĕ“ и „Иван пулла тытрĕ“. „Эти две формы за одну может принять только человек, который не говорит по-чувашски, или человек, который только переводит с русского на чувашский. В последнем предложении мы обозначаем, что поймана чем-нибудь отличающаяся рыба“, пишет Иванов. Здесь получается такой вывод, что якобы до сих пор составители чувашских грамматик не различали употребления форм „пулла“ и „пулă“. Форму „пулла“ в данном предложении называли винительным определенным, выделительным, эмфатическим, а форму „пулă“—винительным неопределенным, неэмфатическим. Значит, употребление форм „пулла“ и „пулă“ объяснено давно, и напрасно Иван его приписывает себе. Во-вторых, Иванов неправильно объясняет то, что давно объяснено. Если скажем: „Иван вĕрĕм пулă тытрĕ“, то здесь „чем-нибудь отличающаяся рыба“ имеется, но формы „пулла“ еще нет. В-третьих, Иванов здесь забывает одно явление, довольно широко распространенное в чувашском языке, а также и в тюркских, финских, грузинском и др., а именно употребление двух, иногда и более форм вместо одной общей формы—простой, обычной, и формы усиленной, эмфатической: лашанăн—лашанн—лашан—лаша (апаĕ), вĕсенĕн—вĕсен; кайатĕ—кайат, кайсасан—кайсан, таватта—таватă—тават; пысăкă—пысăк, сукка—сук. В-четвертых, Иванов тюркский винительный признает, а тюркский винительный, как и чувашский, может быть полным и усеченным: „Иван балыкны тоткан“ и „Иван балык тоткан—Иван поймал рыбу. Раз тюркский винительный, признаваемый и Ивановым, может быть полным и усеченным, то почему не может быть таковым и чувашский винительный?

„И русские и др. национальности, прежде чем вводить новый падеж, сначала обращают внимание на форму, а не на значение“, не на функцию слова, „Ашмарин же поступает по-другому“, пишет Иванов. Если бы русские руководствовались преимущественно формой, то у них вместо одного было бы столько падежей, сколько разных окончаний в этом падеже, а все слова с одинаковым окончанием свели бы к одному падежу. Наблюдаем ли такое явление в русском и др. языках?—Нет. Значит, чем руководствуются русские и др. национальности при установлении падежей: окончаниями или функциями их?—Функциями. Значит, Иванов ошибается и свою ошибку приписывает другим. В частности, в грузинском языке и дательный и винительный падежи имеют одинаковое окончание. Несмотря на это, в грузинской грамматике дательный и винительный отличаются друг от друга, ибо этого требует функция, употребление слов. По Иванову, одинаковые окончания составляют всегда одну форму,

в данном случае один падеж. Если бы это было всегда так, то мы слово „пулă“ во фразе „Иван пулă тытрĕ“ должны бы рассматривать как слово в именительном падеже и подлежащее, что едва ли утверждает и сам Иванов.

Имеется ли в чувашском языке отличие винительного падежа от дательного? Имеется: а) Дательный падеж, как норма, всегда употребляется с окончанием, винительный падеж может быть и с окончанием и без окончания. б) Дательный падеж выражает тот пункт, когда направляется действие предмета, винительный падеж выражает прямой объект, прямое дополнение. в) Согласно функции, дательный падеж отвечает главным образом на вопрос „ăста (кайат)“, а винительный падеж на вопросы: „кама, мĕне, мĕн“. На вопрос „мĕн“ дательный падеж никогда не отвечает, а винительный падеж не отвечает на вопрос „ăста кайат“. Для винительного падежа вопросы „кама, мĕне“ являются основными, для дательного падежа они являются частным случаем употребления „ăста“ (кайат). г) Слова в дательном падеже в предложении занимают одно место, в винительном—другое. д) Слова в дательном и винительном падеже, хотя бы были одинакового объема и качества, никогда не создают предложения с однородными членами, и между ними запятая никогда не ставится. е) Слова в дательном падеже, выражающие место, могут принять аффикс „лла“, слова же в винительном падеже аффикса „лла“ никогда не принимают. Имеются и др. отличия. Итак, чьи утверждения „не выдерживают никакой критики“?

Относя винительный падеж к одному с дательным, Иванов думает так, как это полагал тридцать лет тому назад Н. И. Ашмарин, когда он писал свои „Материалы“ по чувашской грамматике. Иванов повторяет старые, чужие мысли, мысли Ашмарина, выдает их за свои, за новое, и Ашмарина же ругает.

в) „Особого дательного падежа нет. Его выделение тоже件язано переводу на русский и латинский языки и тому, что в других тюркских языках есть дательный падеж“, пишет Иванов.

Иванов пишет, что „в других тюркских языках есть дательный падеж“. Значит, и по Иванову, выходит, что чувашский язык—тюркский. Раз чувашский язык тюркский, а в тюркских языках имеется дательный падеж, раз, скажем, в османотурецком предложении „О Казана гелди“ слово „Казана“ будет в дательном падеже, то почему в предложении „Вăл (у) Хусана килĕ“ слово „Хусана“ не будет словом в дательном падеже?

По Иванову, в данном случае одного аффикса недостаточно, чтобы слово стало падежом. Для этого необходимо еще, чтобы оно было формой, завершившейся окончательно, и никаких других аффиксов после себя не принимало, чувашский же дательный падеж может принять после себя аффикс „лла“: „вăрманалла“. Следовательно, по Иванову, чувашский дательный падеж не является падежом. Такого требования, предъявляемого к падежу, лингвистика не знает. Оно только выдумка Иванова. От слова „ход“ получается „ходить“, от „их“—„ихний“ и т. д. Это, однако, не значит, что слово „ход“—не имя существительное в

именительном падеже, а слово „их“—не слово в родительном падеже.

В грузинском языке от дательного на „а“ получается так называемый дательный направительный. Несмотря на это, дательный на „а“ считается падежной формой. Тоже самое и в чувашском языке.

г) Слова типа „лаша-нән, халәх-ән“, т. е. слова в родительном падеже, Иванов пытается рассматривать как „производное склоняемое слово“ (§ 14), вроде слов „пайан-хи, әс-сәр“. Такое толкование неправильно. Слова типа „пайанхи, әссәр“ могут иметь падежные аффиксы и аффикс „сем“: „пайанхи-сем, пайанхи-сен-е; әссәр, әссәр-ән, әссәр-тан, әссәр-сем, әссәр-сен-е и т. д. Слова же типа халәх-ән такого изменения не имеют: нельзя говорить халәхән—ән, халәхән—ран, халәхән—сем, халәхән-сен-е“. Имеются и др. отличия. Халәхән—падежная форма, а не „производное склоняемое слово“.

Введение родительного падежа основано „на неумении различать друг от друга аффиксы словообразования от аффиксов словоизменения“, пишет Иванов (§ 14). По утверждению Иванова, аф. „ән“ не словоизменяющийся, а словообразовательный, образующий „производное слово“. Какие аффиксы называются словоизменяющимися? Такие, которые „служат для обозначения отношения между словами“, между предметами, пишет сам Иванов (§ 55). Слова на „ән“ такое отношение выражают или нет? Выражают, например, отношение принадлежности: лашанән апазё. Здесь слова „лашанән“ и „апазё“ связаны между собой и взаимно требуют друг друга, значит, аффикс „ән“ выражает отношение между предметами. Следовательно, он аффикс словоизменяющийся, в данном случае падежный. А может быть аффикс „ән“ словообразовательный? Какие аффиксы называются словообразовательными? Такие, которые „служат для образования от имеющихся корней слов новых слов, обозначающих новые объекты мысли“, новые понятия, новые предметы, явления, пишет Иванов (§ 54). Пулә-сә, хуҫа-ләх, сьр-у, сәмах-ла—здесь аффиксы „сә, ләх, у, ла“ будут словообразовательными: они образуют новые слова, обозначают новые предметы, явления, новые понятия. Что же получим, если скажем „пуләс-ән, хуҫаләх-ән, Иван-ән, сьрав-ән“, т. е. если прибавим аф. „ән“: получаем ли мы здесь новые слова, новые понятия? Нет. Значит, аф. „ән“ словообразовательный или нет? Нет. Следовательно, Иванов сам не различает аффиксы словообразования от аффиксов словоизменения. Отсюда неправильным является и его утверждение, что этот аффикс не падежный, а словообразовательный, образующий новое понятие, „новый объект мысли“.

В пользу отрицания родительного падежа Иванов приводит соображения еще такого рода, что слова типа „лашанән“ могут употребляться с окончанием (лашанән апазё) и без окончания (лаша апазё), а также принимать окончание „не“ (лашанәнне). „Таким образом получается вот что: родительный падеж иногда принимает окончание „ән“, иногда окончания „ән“ не бывает,

изредка же слово на „а́н“ может принять аффикс „не“. Кто в силах понять такое учение?!“ восклицает Иванов. Что тут непонятного? Лашанан апарё пётрё; лаша апарё пётрё. Здесь „лашанан“ есть родительный усиленный; „лаша“ есть родительный неполный, ослабленный (сравнить „кайан“ и кайатан, уан—уй, вёсенё—вёсен, лашасенё—лашасен апарё, сынча куртам—сын куртам (см. выше лит. „б“ на стран. 16). От родительного падежа образуются самостоятели на „и“: лашананни, которые в свою очередь могут склоняться: лашананнини (лашаннини), лашананнине (лашананне). К сведению для Иванова: здесь „не“ прибавляется не к родительному падежу, не к слову „лашанан“, а к слову лашананни.

Для пояснения опять возьмем аналогичный случай из русского языка. Слова „его“, „их“ в родительном падеже или нет? В родительном. От них получают слова „егонный“, „ихний“? Получаются. Они в свою очередь могут склоняться? Могут: ихнего, ихнему. Точно такое же явление мы видим со словами типа „лашанан“. Что здесь такого, чтобы сказать: „Уд пек вёрентнине кам а́нланма пултарат?!“.—„Кто в силах понять такое учение?“

д) Согласно функции слова и придавая этой функции основную роль, в чувашских грамматиках слова типа „кайна́“ относятся и к глаголам и к причастиям. Как глагол, они выражают прошедшее неопределенное или неочевидное время; как причастие—прошедшее время вообще. Иванов с такой постановкой дела не согласен, он их относит к „склоняемым словам“. Правильно ли поступает Иванов? Слово „кайна́“ в именительном падеже никогда не бывает и в качестве подлежащего никогда не употребляется. Не бывает оно и в родительном падеже для обозначения принадлежности и после себя слова с притяжательным аффиксом никогда не требует. Если бы склонялось (нормально), мы должны бы иметь формы: кайна́-а, кайна́-ра, кайна́-сем, кайна́-сен-ён, кайна́-сен-ёе и др. Таких форм мы не встречаем.

Большим недоразумением является также отнесение к склоняемым словам, например, слов типа „кайса“. Употребляются ли такие формы, как „кайсана́н, кайсара, кайсасем, кайсасенёе?“ Нет. Значит, они не склоняются.

е) В другом месте слова типа „кайна́, туня́, кайса килне́, туса пётёрне́“, обычно называемые глаголами прошедшего неопределенного или неочевидного времени, Иванов упорно толкует как глаголы несовершенного вида, что опять неправильно. Глагол та́р значит и стой и встань, лар—сиди и сядь, вырт—лежи и ляг, т. е. означают действие и несовершенное и совершенное. Точно также и глаголы типа „кайна́“ могут обозначать время и несовершенное и совершенное: икё сехет ларна́ (сидел); кёне́ те ларна́ (сел). Тултарна́—наполнил, наполнял.

3. Иванов не только неправильно толкует факты, но в целом ряде случаев выдумывает их, исказит или освещает в высшей степени тенденциозно,

а) Иванов мою грамматику называет учебником. Ни сам автор, ни Чувашнаркомпрос этой книге такого назначения не давали. Об этом ясно и определенно говорит и содержание книги и предисловие к ней: „Эта книга не учебник для учащихся, а только пособие для учителей“, а также указания на то, как пользоваться ею при чтении и письме, при наблюдении над языком и т. д.

Иванов пособие рассматривает как учебник и кричит караул. Ясно, что даже хорошее пособие при оценке его с точки зрения требований учебника может оказаться книгой никуда негодной.

б) „Мана никам та тивмен“. „Мана“ сáмах винительный патешра тет Ашмарин“, пишет Иванов. Здесь Иванов искажает факт. Здесь (на 225 стрн. первой части синтаксиса) Ашмарин говорит не о слове „мана“, а о словах типа „курасса курнă та“.

Иванов здесь искажает факт, подсовывает особые случаи— слова и формы, общие дат. и вин. падежу, а потому несколько трудные для повимания, объявляет их от имени Ашмарина словами только одного падежа и тут же пишет: „Сапла туни тăваш тейлхи саккунёсене пăтратине, сын ас-танне арпаштарса йанине кăтарат“. — „Такое толкование свидетельствует о путании законов языка, о морочании человеческих умов“. Кто же здесь путает и морочит, видит сам читатель.

в) У Ашмарина написано: „Винительный падеж ставится главным образом после действительных глаголов, составляя их прямое дополнение по вопросу кого? что?“. Иванов это место передает таким образом: „Винительный патешра сáмахсене тепёр йапала сине кайан таву сáмахёсем хыссан кама? мёне? йитусемпе майлаштарса лартассё“. Вполне ли верно передает Иванов вопросы кого, что? Нет. Вопрос „что“ передается главным образом словом „мён“. Знает ли это Иванов? Конечно, знает. Но почему он об этом не говорит? Потому, что вопрос „мён“ мешает отнесению винительного падежа к одному общему падежу с дательным. Об'ективно ли здесь поступает Иванов? Конечно, нет.

г) Многие аффиксы являются общими для нескольких категорий слов: тен: ьранттен и кайиттен; серен: ирсерен и кай-массерен; лăх: ватăлăх и каймалăх; ла: ьрăсла, ьрманалла, тумалла; сăр: лашасăр и тумасăр и др.

Слова, имеющие общие аффиксы, по утверждению Иванова, следует отнести только к одной категории: слова типа ьранттен нельзя ничем отделить от слов типа кайиттен. Так ли это? Слова типа сурахамаьр и кайрамаьр имеют общий аффикс „амаьр“; значит, по Иванову, слово сурахамаьр нельзя отнести к существительным, а кайрамаьр—к глаголам. Русские слова „ученики, добры*“), писали“ имеют общий аффикс „и“: значит, по Иванову, „ученики“ нельзя отнести к существительным; „добры“—к прилагательным, „писали“—к глаголам.

д) Кроме того, такие общие аффиксы, по утверждению Иванова, „Пирён тăваш тейлхи аьтисем асархаман та.—Наши языковеды их и не заметили“. В грамматике Ашмарина и др.

*) По орфоэпии орфографическое „добрые“ произносится „добрыа“.

авторов эти аффиксы не забыты: они приводятся во всех тех случаях, которые указываются Ивановым, при чем при описании их в одном случае делаются ссылки на другие случаи, значит, они обобщаются (Ашмарин, „Материалы“, стрн. 155, 226, 311, 312, 315. Тим. Хёв., стрн. 64, 65, 112, 113, 115, 145, 146, 149, 150). Иванов и здесь морочит читателя и то, что давно сказано другими, выдает за открытие.

е) Иванов пишет, что я неправильно делаю, относя слова „хёлле“ к неизменяемым словам. Он здесь меня будто поймал: у меня действительно сказано, что „хёлле“—неизменяющееся слово. Но... цитата Ивановым вырвана из контекста и приведена без всякой связи с тем, что сказано до этого и после этого (§§ 165, 167, 168, 171), а это приводит к искажению факта и существа дела.

ж) Иванов находит, что язык моей книги—набор непонятных слов, бормотанье колдуньи. Для иллюстрации этого положения он приводит два-три места из моей грамматики, но так, что искажает их. У меня в книге сказано: „Сыпáка тата сáмах кёлетки тессё.—Аффикс есть форма слова“; в статье же Иванова значится: „Сыпáка тата сыпáк кёлетки тессё.—Аффикс есть форма аффикса“. И, действительно, получается бессмыслица, болтовня. В другом месте у меня сказано: Иккёмёш сáпат ёсхёл тёлё пулнáран!..—Оттого, что второе лицо является основой глагола...“; у Иванова значится: „Иккёмёш сáпат ёсхёл тёлё пулнáран!..—Оттого, что второе лицо является местом глагола...“ Опять получается бессмыслица, непонятный набор слов. Иванов сам искажает чужой текст, понятное делает непонятным и в этом непонятном наборе слов обвиняет автора*).

4. Очень сильно развито у Иванова противоречие самому себе, являющееся естественным результатом его бесцеремонного и легкомысленного обращения с языковыми материалами.

а) Иванов справедливо говорит, что при построении своей грамматики мы должны иметь особенности и интересы чувашского языка. Но он сам нарушает это положение, когда в своих тезисах пишет следующее: „В чувашском языке нет формальной разницы между именами существительными и прилагательными. Если мы выбросим из чувашской грамматики категорию прилагательных, это облегчит понимание русских прилагательных“. Во-первых, если и выбросим чувашские прилагательные, то понимание русских прилагательных от этого несколько не облегчится: трудность усвоения русских прилагательных состоит в их особом изменении, а не в том, что у чуваш имеются свои прилагательные. Во-вторых, выбрасывание чувашских прилагательных в целях изучения прилагательных русского языка, это уже является отрицанием чувашского языка, как языка самостоятельного.

*) Некоторые товарищи находили невозможным, чтобы Иванов прибегал к такому некрасивому способу и так злоупотреблял советской печатью, и полагали, что здесь наверняка мы видим упущение со стороны типографии—наборщика и корректора. По полученной из редакции „Чуваш хресченё“ справке оказалось, что здесь со стороны типографии никакого упущения нет, и что статья Иванова напечатана согласно оригинала. Следовательно, как говорят, всякие комментарии излишни.

б) В одном месте Иванов пишет о необходимости увязать преподавание чувашского и русского языков; в другом же месте он находит, что сравнение и сопоставление русского языка с чувашским—это „йурахсартан йурахсәр ёс—самое негодное дело“. Если последнее верно, то как тогда увязать преподавание этих предметов!

в) Критикуя мои термины „курса иртнӗ вӑхӑт“ и „курмасӑр, иртнӗ вӑхӑт“, Иванов почему-то их находит картинными и пишет: „Карттинла, курнӑ пек мӗнле каламалли санӑн поетиккӑ калӑт. Вӑл крӑмматгек ёсӗ мар.—Картинность и наглядность выражения—дело поэтики, а не грамматики“. Таким образом Иванов отрицает наглядность, картинность грамматических форм; но сам в той же статье в другом месте пишет следующее: „Хӑш ӗухне, ёлӗк пулнине карттинла каласа парас тенӗ ӗух, ёлӗк пулнине хӑӗхи пек каласа парасӗ. —Иногда, когда прошедшее событие хотя выразить картинно, прошедшее передают как настоящее“. За картинность Иванов читает мне нотацию в 32-х строках, но сам в той же статье допускает эту картинность.

г) В своей грамматике я говорю об относительности грамматических категорий, вытекающей из непрерывного и разнообразного становления языка. Иванов этим недоволен, он требует, чтобы каждая часть речи была резко отделена от других. Но оказывается, что Иванов сам нарушает свой принцип; так, например, устанавливая деление аффиксов на аффиксы словообразования и словоизменения, он в конце концов вынужден заявить, что „некоторые аффиксы словоизменения употребляются и для словообразования“.

д) Тов. Иванов считает, что не подобает науке заниматься изучением употребления таких частиц и слов, как „ӗ“ и „пулнӑ“, и оформлением их через особые термины, что такое занятие „ӑва вӑййи“ (детская забава), йумӑсла хӑтланни (знахарские манипуляции). Здесь большое недоразумение со стороны Иванова. Во-первых, если частица „ӗ“ и слово „пулнӑ“ имеют широкое употребление, то почему эти формы не изучать и словам, имеющим их, не давать особое название, что тут противного науке? Во-вторых, если „кайнаӗӗ“, как особая форма, „ӑва вӑййи“ „йумӑсла хӑтланни“, то таков, значит, и сам Иванов, ибо он сам в статье „Ку таранӗн“ и в тезисах такие глагольные формы, как калаттӑм, калӑттӑм, калассаттӑм, признает за особые формы, а эти формы как раз образовались с помощью частицы „ӗ“ и ее фонетических разновидностей, что ясно из следующей таблицы:

калат—ӗ—ё	каласӑ—ӗӗ—ё	калӑ—ӗӗ—ё
калат—т—ӑн	каласа—тт—ӑн	кала—тт—ӑн
калат—т—ӑм	каласа—тт—ӑм	кала—тт—ӑм

е) Признание родительного полного и краткого, отнесение слов типа каланӑ и каланӑӗӗ к глагольным временам—это, по Иванову, относится к области „нахождения в целях капитализма“, „старой воюющей песни“; отрицание же их—к области „епӑр сотсиалистӑм таватпӑр“. Но в той же статье на другом

месте Иванов пишет: „Манан лаша, ман лаша—ун пек формасене ӳанахах пӳрре тесе: пӳрри тулли, тепри кӳски тесе калама пулат“. В другом месте видим следующее: „Пуханнашан—кунташан аффикс „глагол“ ҫумне хушанна“. Выходит, что слова типа „пуханна“—глагол.

Итак, Иванов те же формы в другом месте признаёт за полные и краткие, а слова на „на“ относит к глаголам. Раз это так, то, значит, и сам Иванов находится в цепях капитализма; значит, и он поет старую вонючую песню—такой вывод должен бы сделать Иванов по отношению к самому себе. Но он, конечно, этого не скажет: по его мнению, он и здесь творит новую жизнь. Почему признание одной формы в одном случае есть старая вонючая песня, а признание той же формы в другом месте есть „пуранасан ӳере тымар“—это тайна философии Иванова.

В одном месте Иванов наличие особого времени на „на“ признает, даже старается определить его содержание и дать ему особое название: прошедшее несовершенное время. Но в той же статье в другом месте он наличие времени на „на“ отрицает и считает его выдумкой. „Кун пек каласа ҫене ӳахат туртса каларни ӳаваш формисене ӳӳсне ҫитеӳӳен тепӳеменнине ҫӳҫ катарта“, пишет он. Итак, у Иванова время на „на“ то существует, то оно только выдумка, туртса-каларни. Во-вторых, оказывается, что когда аффиксы рассматриваются только со стороны звуков, это, по Иванову, тепне ҫитеӳӳен тепӳени—изучение до конца; когда же они рассматриваются и со стороны звуков, и со стороны разных функций их, то это только ӳӳсне ҫитеӳӳен тепӳеменнине ҫӳҫ, изучение поверхностное, не доведенное до конца.

ж) В одном месте Иванов пишет, что „ӳҫ пӳрре те Ашмарин каланӳ пек мар: ӳӳлхере аффиксем пур“; в другом месте утверждает, что большинство аффиксов чувашского языка установлено Ашмариным.

з) Иванов прославился отрицанием падежей в чувашском языке. Но возьмите его казанские тезисы: здесь он не менее десяти раз повторяет „падежные слова“, „прямая форма склоняемых слов“ и т. д. Как же это так: падежей нет, а падежные формы имеются? падежи отрицает, а склонение—изменение слов по падежам признает?

Действительно, скажешь словами самого Иванова: „Ун пек ӳӳрентнине кам ӳнланма пултарат“. Это не наука, не новое учение, а какой-то хаос.

5. Иванов не только противоречит самому себе, но очень часто своими словами выдает себя.

а) Указывая якобы на большое количество категорий в моей грамматике, он пишет: „Такой точности автора могли бы завидовать авторы начала XIX века“. Иванов пугает началом 19-го века или XVIII веком. Напрасно: напомним Иванову, что не все в XVIII веке было плохо: „Огромный сдвиг в методологии и философии лингвистики, назавшись на переломе двух

веков, приводит в настоящее время виднейших ее теоретиков к решительному отказу от индивидуалистической философии языкознания 19-го века и возвращает внося соответствующие изменения, к социальным теориям XVIII века“ (Из 5 выпуска „Яфетического сборника“, стр. 31).

Кроме того, в моей грамматике, в пособии для техникумов и учителей, в морфологии всех категорий и подкатегорий и др. делений приведено около 65, у самого же Иванова даже в грамматике для 3—4 годов обучения школ 1-й ступени их ничуть не менее 65, а наберется около 80. Если 65 делений для учителей—начало XIX века, то к какому же веку относятся 80 категорий и делений для учащихся школ первой ступени!

В своих тезисах Иванов все слова делит на три части: на имена, на глаголы и на частицы и полагает, что это есть что-то новое. Между тем такое деление частей речи существовало еще у схоластика Санкциуса в конце XVI и в начале XVII века. Деление слов на имена, глаголы и частицы видим и у Ашмарина в его грамматике чувашского языка. В теории Иванова об изучении аффиксов тоже нет ничего нового. Здесь Иванов возвращается к Аполонию Дисколу, александрийскому ученому II века до нашей эры.

Вспомним еще, что писал тов. П. в журнале „Просвещение национальностей“ относительно терминов в моей грамматике: „Тимофееву для объяснения законов чувашского языка подросткам, обучающимся в повышенных школах, требуется 104 термина. Количество колоссальное для только что нарождающейся отрасли знания. Такое изобилие терминов может кого угодно испугать и свести на нет самое горячее желание к изучению родного языка“. Эту мысль в тех же выражениях и словах повторил т. Иванов в своем докладе от 1-го апреля. За 104 термина в пособии для учителей Иванов относит меня к числу вредителей в деле изучения и реализации чувашского языка. Если это так, то к какой же категории вредителей отнести самого Иванова, который даже в учебнике по русской грамматике для чувашских школ первой ступени дал 70 терминов?

б) В чувашской грамматике при сравнении с русской встречаются такие термины: ар несёлё—мужской род, ама несёлё—женский род, пёрпулу вёслевё—совместный падеж, ёсхёл—глагол, тавас килни тайамё—сослагательное (или желательное) наклонение. Иванов их критикует таким образом: „Унта сакан пек самахсем пур: ар несёлё, ама несёлё, пёрпулу вёслевё—ку самахсем намаслантармалисем пулё темелле. Тавас килни тайамё тесен, кавна ёсме йуратакан сын калай тейёттёмёр.—Там имеются такие слова: мужской род, женский род, совместный падеж—можно подумать, что это неприличные слова. Если сказать желательное наклонение, то можно подумать, что это говорит человек, любящий выпивать“. Здесь мы со стороны Иванова видим не критику, а шарлатанство в буквальном смысле слова—обнаружение, с одной стороны, своей гнилой фантазии, а с дру-

гой—отсутствие всякой способности критиковать по существу. Если критиковать термины так, как критикует Иванов, то надо выкинуть из грамматики не только такие слова, как женский род, предложение, подлежащее, совместный падеж, дательный падеж, родительный падеж, а также и такие слова, как делать, сидеть, лежать и т. д. Слово „ёсхёл“, по Иванову, „нимёне пёлтермен сáмах“, а термин „ёсхёл“—глагол—„вёвё аҫи мёс-мёс тунá май-лах“. Какая, скажешь, глубина критической мысли! Здесь 45-ти-летний П. И. Иванов, член секции научных работников, б. ученый секретарь Акцентра НКП, превратился в 5-ти летнего Паньку, который ходит по улице, высовывает язык и дразнит товарищей.

Иванов пишет статью по-чуваши, но терминология у него почти вся русская: такие термины, как падеж, винительный падеж, дательный падеж, склоняемые слова, спряжение, прошедшее многократное, действительный глагол, причастие, деепричастие, предлог, предложение и другие Иванов пишет по-русски в кавычках и без кавычек. Конечно, Иванову и мне эти термины понятны. Но я попросил бы Иванова объяснить мне не грамматическое содержание этих слов, а их вербальную сторону, что они значат: „падеж“—уҫни, вилни; что падает, что умирает? Предложение—хушни, сёни, каҫҫа пыма ыйтни; кто что тут предлагает, или кто кого сватает? Спряжение—кўлни; кто, кого прыгает? Глагол—калани, сáмах; а имя существительное и др. части речи разве не сáмах, не калани? А что значит деепричастие, предлог, подлежащее?

в) Чувашиские глагольные времена созданы по образцу времен русского и латинского языков, пишет Иванов. Настоящее-будущее время: кайаҫ; прошедшее определенное: кайрё; прошедшее неопределенное: кайнá; преднастоящее или прошедшее многократное: кайаҫвё; предпрошедшее или предварительное определенное: кайсаҫвё; предпрошедшее или предварительное неопределенное: кайнаҫвё; уступительное наклонение: кайин—имеются ли такие времена и наклонения в русском и латинском языках? Нет. Значит, имеется ли здесь подражание этим языкам? Нет. Кто чувашское настоящее-будущее называет настоящим, прошедшие времена: прошедшим совершенным или перфектумом, прошедшим несовершенным или имперфектумом, *passé antérieur*, т. е. терминами русской, латинской и французской грамматик?—Иванов. Значит, кто здесь подражает русскому, латинскому и французскому языкам?—Сам Иванов.

г) Иванов берет аффиксы „лá“ и „ла“, сопоставляет их, как они описаны у Ашмарина и у меня, и находит, что моя грамматика ни чем не отличается от грамматики Ашмарина, и что она есть чуть ли не буквальный, только сокращенный перевод грамматики Ашмарина. Во-первых, я и Ашмарин к этим аффиксам подошли не совсем одинаково. Ашмарин дает аффикс, указывает его значение и приводит примеры. Также поступаю я, но в то же время я пытаюсь к этим аффиксам подойти динамически: показать, какие слова могли качественно измениться и из слова стать аффиксом (стр. 70 и 120). Такого подхода у

Ашмарина нет. Значит, Иванов данное сопоставление произвел необъективно, недобросовестно: указал общие моменты, а разницу скрыл. Во-вторых, моя грамматика и по принципам построения и по самому построению во многом отличается от грамматики Ашмарина. В-третьих, чем о других выдумывать, „не лучше-ль, кума, на себя оборотиться“, посмотреть на свои учебники, насколько они оригинальны и самостоятельны*).

д) Иванов во многих местах своих статей бросает обвинения даже в сознательной лжи, говоря: „Автор суйестерни кунта га палла“, „Туррипе каласан, суйестерет“, „Ашмарин самаххи суйа“ и т. д. Кто же, однако, сознательно суйестерет—видит тепер сам читатель.

В настоящей статье нет возможности, пожалуй, нет и надобности останавливаться на всех случаях неправильного объяснения и бесцеремонного обращения с фактами языка со стороны Иванова. То, что здесь много указано, это не все, а только отдельные случаи, приводимые мною для подтверждения моих положений, чтобы не быть голословным.

Маленький итог по существу. Иванов обвиняет чувашские грамматики в том, что они составлены, исходя не из фактов чувашского языка, а путем подражания грамматикам русского и латинского языков, что в них одна из основных особенностей—агглютинативность языка и аффиксы совсем не отмечены; что они отдельные языковые факты объясняют совсем неправильно, что чувашская грамматическая терминология никуда не годится и т. д. Я не скажу, что в указанных отношениях чувашские грамматики безупречны. Например, если взять мою грамматику, то в ней имеются дефекты и в смысле построения, и в смысле объяснения отдельных фактов, и в смысле терминологии, и в языке; случаи невольного подражания русским грамматикам тоже на лицо. Но ни один пример, приводимый Ивановым для доказательства своих положений, не соответствует действительности. В лучшем случае только кое-что из того, что Иванов выдает за новые, непреложные истины или совсем отрицает, может быть предметом дискуссии, требующим дальнейшего изучения и проработки, как, например, вопросы о грамматических категориях, о количестве падежей, определение глагола и нек. др., но и эти вопросы не могут быть разрешены так, как разрешает их Иванов, а именно в сторону формальной грамматики, упрощенства.

Познакомившись с настоящими „дискуссионными материалами“ Иванов, может быть, заявит, что я являюсь защитником

*) Книга Иванова „Геометри. Виссёмеш сулла таваттамаш сул вөрөнекен авасене вөрентмелли кенеке“ является переводом книги А. И. Никитина „Первая ступень из геометрии для начальных школ. Изд. 2-е. Типогр. Т-ва И. Д. Сытина. М. 1915 г.“. Изменены только название и первые четыре урока, все остальное—обычный перевод, а выдается за оригинальное (если уж переводить, то надо было перевести с послереволюционного издания, одобренного ГУС-ом а не с дореволюционного, как это сделал Иванов).

старой грамматики. Спешу оговориться. В своих статьях я выступаю только против формализма Иванова и его критики, на мой взгляд, в высшей степени нездоровой и недоброкачественной. Докажи он или кто-нибудь другой, что я в таком-то месте ошибся, и докажи это научно, я ни на минуту не замедлю признаться в своих ошибках и принять новые объяснения, новые достижения науки. Этого требуют интересы дела.

Надо создать чувашскую грамматику на основе диалектического материализма, этого единственного научного метода и теории „об общих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления“ (Энгельс). Без критики существующих чувашских грамматик ее не создать. Надо их критиковать, но критиковать диалектически, а не исходя из требований формальной грамматики. Тенденциозность освещения, извращение и искажение того, что написано раньше, и ложное толкование общих явлений и отдельных фактов языка не есть диалектический подход. Прикрывание же формализма и всякого рода мёсмёс флагом материалистической грамматики совсем недопустимо.

1931 год, июнь.

III. Из рукописной статьи „Под чужим флагом“.

В настоящей статье приводятся некоторые места из моей рукописи по разбору вторых тезисов П. И. Иванова по вопросу чувашской грамматики, разосланных НКП ЧАССР в начале июня 1931 года. Часть тезисов касается того, как Иванов понимает отдельные факты языка, часть—основ построения грамматики. В этих тезисах Иванов говорит о „пользовании марксистским методом“ и якобы отказывается от формальной грамматики, говоря, что „механистическая формальная грамматика искусственно отрывает“ одно явление от другого. Из моей рукописи здесь приводится только один (4-ый) пункт 2-го раздела, касающегося вопросов принципиального порядка.

В отличие от тезисов казанских, я эти тезисы называю чебоксарскими.

II.

4. Иванов объявляет себя сторонником яфетической теории, при исследовании чувашского языка „пользующимся“ учением академика Марра (п. 2 и 3). Соответствует ли такое заявление действительности?

Как выше мы видели, Иванов и в чебоксарских тезисах проводит идеи формальной грамматики. Это показывает, что Иванов учение академика Марра не принимает, ибо академик Марр в основу учения о языке кладет прежде всего его содержа-

ние, его социальную смысловую, познавательную функцию, семантику: „Яфетическая теория разоблачает не только совершенно схоластическое буквоедство, но и звукоедство: она приучает и в звуках видеть в первую очередь не формальное выявление их, а идеологическую значимость, которой подчинена звуковая система, сторона техническая“. В современной материалистической литературе прежде всего с именем Марра связана борьба, самая ожесточенная борьба против формализма и увлечения внешней стороной языка. При таких условиях является очень странным и непонятным заявление Иванова о том, что он при построении грамматики чувашского языка пользуется учением академика Марра.

Может быть, Иванов пользуется другими моментами учения о языке академика Марра?

а) Одним из крупных достижений яфетической теории является установление единого глоттогонического процесса, отказ от метафизического учения о генетической независимости языков разных систем: В силу единого языкового творчества, в языках не только „родственных“, но и разных систем имеется очень много общего во всем строе языка. Изучение всякого языка и построение его грамматики должно быть согласовано с такими общими моментами. Таково требование яфетической теории. Считается ли Иванов с этим требованием? Нет. Мы видим, что он этой общности не признает. По его, сравнение двух языков разных систем, в том числе чувашского и русского, „самое негодное дело“. Между тем, как известно из лингвистической яфетидологической литературы, академик Марр говорит даже об особой связи между чувашским и русским языками.

Крики Иванова о том, что современная чувашская грамматика есть подражание русскому и латинскому языку, есть в основном не что иное, как непризнание им общих моментов в развитии языков.

б) Иванов якобы принимает учение Марра о стадиональности развития языков и руководствуется им при изучении и построении чувашской грамматики (п. 3). И такое заявление Иванова только бумажное.

Яфетическая теория учит, что язык в своем процессе развития проходит ряд стадий и этапов: синтетический, агглютинативный, флективный. Каждая стадия получает наследственно материал от предыдущей стадии и перерабатывает его под своим углом. При этой переработке в каждой стадии сохраняются от предыдущей стадии некоторые элементы целиком, некоторые отживающие элементы сохраняются в ней, как отголоски. Современные языки не все находятся на одной стадии. Одной из задач материалистической лингвистики является вопрос об изучении тех стадий и этапов, которые прошел и проходит язык в своем развитии, указание имеющихся в нем от пройденных стадий пережитков и отголосков и начала новых процессов. Иванов к учению о стадильности подошел не динамически, а

грубо статически; он нашёл, что чувашский язык агглютинирующий, и на этом остановился.

В чувашском языке, как и во всех языках, в том числе и в русском, имеются элементы, пережитки и отголоски синтетического строя. Например, в нем многие слова в предложении в одном случае являются в качестве существительного, подлежащего или дополнения, в другом как определение, прилагательное; в третьем как обстоятельственное слово, наречие. Выявление в языке таких моментов Иванов (п. 1, а) считает нематериалистичным, ненаучным. „Чувашские грамматисты слова, имеющие одни и те же формы, часто относят к двум, к трем категориям“, пишет он (п. 1, а).

Язык не стоит на одном месте, а постоянно меняется. В частности, в настоящее время в чувашском языке имеется масса таких случаев словопроизводства, которые уже носят флективный характер. Иванов об этих особенностях не только ничего не говорит, а даже старается отрицать их: „анъах ун пейки т̄аваш в̄елхинъе пит сайра пулат“, пишет он по этому вопросу в статье „Каким методом до сих пор исследовался чувашский язык“.

в) По установлению академика Марра, урало-алтайская группировка языковых семей типологически более „близка к яфетическим языкам с агглютинативным строем“, в числе их сванскому, мегрельскому, чанскому и из двух грузинских народному“ („По этапам развития яфетической теории“, стрн. 312). Отсюда, если бы Иванов действительно признавал стадиальность развития языков и был сторонником яфетической теории, он должен был бы обратить внимание на то, как академик Марр строит грамматику агглютинирующих языков.

Исходя из агглютинативности чувашского языка, Иванов старается отрицать падежи, академик же Марр в них падежи признает. В частности он про них пишет следующее: „Как ни раз'единены теоретически-научно турецкий, в частности азербейджанский, турецкий, армянский и грузинский, но факт тот, что, например, склонение типологически тождественно во всех трех языках. Это средство наблюдается к тому же не только типологически, но и материально“. („К изучению современного грузинского языка“, стрн. 4).

В грузинском языке дательный и винительный падежи имеют общее окончание. Несмотря на это; академик Марр винительный падеж отличает от дательного, ибо социальная значимость его, функция—другая. Иванов же на значимость и функцию; на эти ведущие моменты языка, обращает внимания очень мало, для него на первом месте, в основе—аффикс, а потому для него нет и разницы между дательным и винительным падежом.

Одним из мотивов отрицания родительного падежа Иванов приводит то, что эта форма в чувашском языке может быть с окончанием и без окончания (совпадает с формой именительного падежа). То же самое мы видим и с грузинским родительным, но отсюда в грузинской грамматике не делается такого вывода, что в ней этого падежа нет.

Грузинские прилагательные и числительные, как и чувашские, по своему склонению, в основном ничем не отличаются от существительных. Несмотря на это, академик Марр имена делит на существительные, прилагательные, числительные и местоимения. Иванов же поступает наоборот.

г) Синтаксис среди остальных отделов грамматики занимает основное место, играет ведущую роль. Все морфологические формы языка создались и создаются из синтаксического употребления слов и для синтаксиса. „Синтаксис—самая существенная часть звуковой речи. Морфология—техника для синтаксиса“, говорит Марр. Принимает ли такое положение Марра Иванов и проводит ли он в своей работе примат синтаксиса? Опять нет. Даже наоборот. То положение, что мы слова, имеющие одни и те же формы, по их синтаксическому употреблению в одном случае относим к существительному, а в другом к наречиям или прилагательным, Иванов, как уже говорил, считает только за „детскую забаву“. Этого мало. Иванов здесь противоречит самому себе. Он синтаксический принцип отрицает, но сам все аффиксы делит на словоизменяемые (синтаксические) и словообразовательные. По какому принципу производится такое деление?— По синтаксическому. Раз основное деление синтаксическое, почему он не применяет его в делениях следующей очереди? Потому, что он не осознал еще синтаксического принципа.

д) В своих трудах академик Марр говорит „о сложности языка“ и требует тщательного, всестороннего изучения языка вплоть до скрупулезности: „Техника производства и языка требует возможно уточненного определения, достижимого лишь при скрупулезном учете всех моментов и тогда, когда дело касается человеческой речи“ (ст. „Язык и письмо“). Только такой подход является полноценным; дает возможность учесть все достижения языка, в том числе и новые процессы, всегда начинающейся с малого, и устанавливать те законы и пути, по которым идет развитие языка; Иванов же требует обратного—упрощения, выкидывания фактов.

е) Яфетическая теория язык рассматривает как отражение общественных формаций, истории народа. Отсюда яфетидология выдвигает идею изучения языка в связи с общественными формациями, с историей материальной культуры. Об этой увязке Иванов и теперь ничего не говорит.

Академик Марр стоит за изучение движения языка, его истории. Только изучение языка в его истории дает возможность наиболее точно установить пути движения языка и нормировать языковой процесс в интересах пролетариата. Иванов стоит против такого изучения, ибо, по его мнению, „историческое изучение недоступно учащимся“ (казанские тезисы, п. 28).

ж) Материалистическому учению, в лице яфетидологии, Иванов приписывает даже ложное утверждение. „Современная чувашская грамматика, основанная на изжитом сравнительном методе, является только тормозом, затрудняющим понимание законов языка“, пишет Иванов. По Иванову, сравнительный метод

изжит, в „историко-материалистическом языкознании“ сравнение не только не должно применяться, но он есть даже тормоз. Если это действительно так, то каким же образом мы будем изучать хотя бы свой родной язык, устанавливать его категории, их значения, функции; каким образом мы будем устанавливать связь между языками, системы языков; каким образом открывать те пути, по которым идет развитие языка?

Яфетическая теория не против сравнительного метода, а против того метода в лингвистике, который называется формально-сравнительным и рассматривается как основной, исключительный и единственный метод языкознания, а также против того, что этот метод, в частных случаях и нужный, опорочился в своем применении, как изучавший лишь внешнюю сторону языка и при том только „родственных“ языков. Яфетическая теория против той индоевропеистики, которая отказалась от проблемы о происхождении и развитии языка, завязла в болоте о праязыке, в идеалистической или формалистической концепции в теории о языке, в теории о древности письменных языков и их особо высокой ценности и т. п. Что же касается сравнения и сравнительного метода, то яфетическая теория его не отрицает, а, наоборот, углубляет и расширяет его применение, как один из частных приемов диалектического метода.

Прежде сравнение производилось с установкой на праязык, а также на закрепление существующего господства капиталистической системы; теперь оно производится с установкой на развитие языков трудящихся масс всех национальностей, в том числе „малых“ и „отсталых“, как орудие социалистического строительства и классовой борьбы. Раньше сравнительный метод являлся орудием идеалистического и механистического подхода к языку; теперь же оно является одним из приемов материалистического, диалектического подхода к языку. Прежде сравнение было формальное, теперь оно стало и семантическим и типологическим. Яфетическая теория сравнение не отрицает, а широко применяет его и в палеонтологической работе и при составлении сравнительных грамматик и в других случаях. „Мы начинаем врываться в другой курс, курс сравнительных грамматик нового учения о языке“, пишет П. Я. Марр в одном месте („Яфетическая теория“, Баку, стр. 155). „Приходится сравнение производить на различных плоскостях различных стадий через агглютинативные к флективным с переходными формами. Только путем сопоставления различных типологических состояний в различных стадияльных плоскостях можно построить сравнительную грамматику в общем охвате языков. В различных стадияльных состояниях у яфетической теории окажется не одна грамматика, а несколько сравнительных грамматик“ (Марр, „По этапам развития“, стр. 310; его же „Грамматика древ.-литератур. грузинс. языка“, VI. Мещанинов, „Введение в яфетологию“, стр. 67, 85, 90, 102, 120, 134, 137, 139, 142).

О том, как марксисты относятся к сравнительному методу, правильно и критически применяемому, может свидетельство-

вать также „Резолюция конференции партийцев и комсомольцев—словестников г. Ленинграда“, согласованная с Ленинградским отделением Комакадемии. В этой резолюции индоевропеизм подвергается самой строгой критике, но ни слова не говорится против сравнительного метода, а, наоборот, говорится о том, что „по линии технического исследования“ мы в индоевропейстике имеем ценные достижения.

По вопросу о сравнении остановимся еще на взглядах яфетидологов Б. В. Аптекаря и С. П. Быковского, изложенных в их брошюре „Современное положение на лингвистическом фронте и очередные задачи марксистов-языковедов“. Здесь они пишут следующее: „Под углом зрения марксистско-ленинской методологии и конкретных достижений яфетической теории должна быть разрешена и проблема буржуазного наследства в лингвистике. Само собою разумеется, что, входя в общий состав культурного наследства, полученного пролетариатом от буржуазии, сравнительное языкознание не может быть просто выкинуто за борт. Такая постановка была бы в корне неверной и привела бы к очень отрицательным результатам. Однако и простое механическое, некритическое восприятие этого наследия буржуазной мысли также является не менее вредным и ошибочным“.

Припомним здесь то, как формулировал Ленин вопрос о буржуазном культурном наследстве: „Марксизм завоевал себе всемирно-историческое значение, как идеология революционного пролетариата, тем, что он, марксизм, отнюдь не отбросил ценнейшие завоевания буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем в двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры. Только дальнейшая работа на этой основе и в этом направлении, одухотворяемая (практическим) опытом диктатуры пролетариата, как последней борьбы его против всякой эксплуатации, может быть признана развитием действительно пролетарской культуры“.

Если возьмем сравнительное языкознание, то оно значительно продвинуло вперед дело создания науки о языке. Энгельс говорит о нем, как „о языкознании, так сильно и плодотворно развившемся в последние 60 лет“, у которого можно многому научиться. Давая такую положительную оценку, Энгельс, конечно, в то же время не забывал классовых корней и методологической ограниченности этого сравнительного метода*).

Таким образом, вопрос о сравнительном методе ставится не так, чтобы в корне отрицать его, как это делает Иванов, а так, чтобы подойти к нему и тому, что им добыто, критически, по методологии марксизма-ленинизма.

*) В постановлении ЦК ВКП(б) „Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе“ от 25 августа 1932 года, значится особый пункт который имеет прямое отношение к затронутым здесь вопросам. Этот пункт, требует „значительно усилить элементы историзма в программах по обществоведению, по языку и литературе, географии, иллюстрируя разделы и темы этих дисциплин необходимым фактическим материалом, историческими экскурсами и сравнениями“.

Итак, Иванов был и остался формалистом, метафизиком, сторонником генетической независимости языков. Несмотря на это, он в последних тезисах объявляет себя сторонником яфетической теории, противником формально-механистического взгляда на язык (п. 2 и 3). Чем объясняется такая „метаморфоза“ Иванова? Повидимому, следующим.

В октябре-декабре 1930 года в Москве в стенах Коммунистической академии была проведена языковая дискуссия. В процессе дискуссии выявилась недостаточная разработанность многих вопросов лингвистики с точки зрения диалектического материализма, но по вопросу о формальном направлении не было разногласия. Участники дискуссии, не смотря на ряд разногласий по другим вопросам, его нашли антидиалектическим и объявили ему беспощадную борьбу. На этой дискуссии подверглась критике яфетическая теория. Некоторые участники дискуссии (языкофронтовцы) часть положений ее находили механистической, но в общем была признана большая заслуга яфетической теории в деле разработки марксистского учения о языке (учение о языке, как об идеологической надстройке; увязка учения о языке с производственными отношениями, общественной формацией и всей культурой носителя того или другого языка; утверждение о классовости языка; учение о едином глоттогоническом процессе; учение о происхождении языка, о стадиях языкового развития и семантических закономерностях для каждой стадии; палеонтологический анализ языка; анализ языка современности в его тенденции к бесклассовому интернациональному языку; признание необходимости регулирования и нормирования речи; признание бесписьменных и национальных языков; борьба с индоевропейской идеалистической сущностью буржуазного языкознания). Результаты дискуссии в общем были таковы, что основные принципы исследования и построения чувашской грамматики, рекомендуемые и применяемые Ивановым, обанкротились окончательно и навсегда. Что же делает теперь Иванов? Он объявляет себя противником формального направления и сторонником яфетической теории и „марксистской методологии (п. 1, лит. „и“), поднимает другой, чужой флаг, по существу же остается таким же голым формалистом, каким был раньше.

1931 год, июнь.

IV. Не „новые начала“, а формализм на всех парах.

В декабре 1931 года вышла в свет книга Иванова по вопросам чувашской грамматики. Она носит название „Основные вопросы чувашской грамматики и изучение ее в школе“ и представляет собою более расширенное изложение всего того, что писалось Ивановым в своих статьях и тезисах по чувашскому языку.

Сравнивая то, что Иванов писал раньше, с тем, что он пишет сейчас в разбираемой нами книге, мы видим некоторую разницу, местами как будто значительную. Примеры. а) Раньше Иванов писал, что чувашский язык агглютинативный, и что исключения в этом отношении очень редки; теперь же пишет, что агглютинативность чувашского языка „в высшей степени относительна“ (119 стр.). б) Раньше Иванов о подходе к аффиксам со стороны их активности ничего не говорил; теперь же изучению их со стороны активности придает большое значение (66 стр.). в) Раньше Иванов писал, что частица „ёске“ всякое слово обращает в сказуемое, что в чувашском языке нет слова „ёсхёл“; теперь о них так не говорит. г) Раньше Иванов слова типа „вулакан“ и многие другие не умел разлагать на аффиксы; теперь же разлагает их правильно, хотя далеко не всегда.

Имеется разница как будто и по принципиальным вопросам. а) Раньше Иванов об идеалистическом подходе к языку со стороны прежних авторов не говорил ни слова; теперь же этому вопросу посвятил две-три строки (111 стр.). б) Раньше Иванов в деле научного исследования сопоставление чувашского и русского языков считал „делом самым негодным“; теперь же он пишет о „сходных явлениях“ чувашского и русского языков (3 стр.). в) Раньше Иванов писал, что „не следует язык исследовать со стороны нескольких принципов“; теперь же у него такого выражения нет. г) Раньше Иванов сравнительный метод считал „изжитым“, теперь же его находит то „в высшей степени ценным и полезным“, то „гнилью“ (26 и 116 стр.). д) Сейчас не отрицает Иванов изучение движения и истории языка, но такое изучение он находит делом не нынешнего дня, а делом только следующей стадии, „следующего этапа после изучения современного языка“ (27 стр.).

Таким образом, между тем, что Иванов писал раньше, и тем, что пишет сейчас, имеется разница. В общем же масштабе, однако, разница очень незначительная; по вопросам же принципиальным разница имеется только на словах. В основном на 95% Иванов остался таким, каким был раньше. И в этой книге Иванов многие явления и формы языка объясняет неправильно; местами искажает факты и к тому, что написано другими авторами, относится очень тенденциозно; местами противоречит самому себе, местами приписывает себе то, что давно сказано другими. Указать здесь все эти особенности книги Иванова на фактах—это значит повторить то, что мною написано выше в статьях „Как Иванов обращается с языковыми фактами, которые критикует“ и „Под чужим флагом“ и прибавлять к ним кучи новых фактов. В этом особой нужды нет. По этой причине я в настоящей статье на этих сторонах книги Иванова не буду останавливаться.

Теперь об основных положениях, исходя из которых Иванов критикует старые грамматики и строит новую грамматику. Хотя и в этом отношении в основном Иванов остался таким,

каким был раньше, но тем не менее, ввиду важности вопроса, на этом пункте считаю необходимым остановиться и высказать свое мнение. При этом, при оценке книги Иванова, я буду исходить из тех положений материалистической лингвистики, которые мною приведены в статье „Исходя из каких принципов П. И. Иванов критикует чувашские грамматики“ и „Под чужим флагом“. При изложении местами будут повторяться материалы, которые приводились раньше.

1. „В чувашском языке первообразные основы трудно и нельзя отнести к определенной категории слов“, гласит § 32 книги Иванова. Возьмем только слова типа „лаша“ и типа „вула“. Их, по Иванову, не только трудно, даже нельзя отнести к какой бы то ни было категории слов. Почему?—Потому, отвечает Иванов, что мы здесь не имеем никакого аффикса, который бы нам указывал принадлежность слова к той или другой категории.

Может быть, Иванов действительно не в силах отнести их к той или иной категории, но всякий ученик третьего или последнего года обучения в начальной школе скажет, что „лаша“—имя существительное, а „вула“—глагол. Потому что каждый из приведенных типов имеет свое идеологическое содержание, свою определенную значимость, свою определенную функцию, а в связи с последними каждый из них может иметь ряд внешних форм, аффиксов. Например, слова типа „лаша“ выражают идею субстанции, могут склоняться, в предложении являются по преимуществу субъектом и объектом, указывают отношения в пространстве (в местных падежах); слова второго типа относятся к словам, обозначающим процесс, действие, указывают изменения во времени, а в предложении являются сказуемым. От слов первого типа могут образоваться слова вроде лашалла, лашалли, лашари; от слов же второго типа—вроде вулатпӑр, вулакан, вуласан, вулиӳден и др. Имеют они и др. особенности. Почему же Иванов не в силах отнести подобные слова к той или иной категории? Потому, что он в словах прежде всего ищет внешнюю форму, аффикс, а не значение, не функцию.

Материалистическое языкознание язык рассматривает как „практическое реальное сознание“*) и орудие общения. Рассматривая так, оно форму языка не отрицает; оно изучает язык и

*) „Человек имеет также „сознание“. Но и оно не имеется заранее как „чистое“ сознание. На „духе“ заранее тяготеет проклятие „бтягощения“ его материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, в виде звуков, коротко говоря, в виде языка. Язык также древен, как сознание: язык это—практическое, существующее для других людей, а значит, существующее также для меня самого реальное сознание, и язык, подобно сознанию, возникает из потребности сношений с другими людьми. Мое отношение к моей среде есть мое сознание“... „Сознание никогда не может быть чем-то иным, как только сознанным бытием, а бытие людей, это реальный процесс их жизни... Только люди, развивающие свое материальное производство и свои материальные сношения, изменяют в этой своей деятельности также свое мышление и продукты своего мышления. Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание“. (Архив Маркса и Энгельса, кн. I, стрн. 220 и 216).

со стороны содержания и со стороны формы в их взаимозависимости, как единство содержания и формы, но так, что при этом оно примат придает содержанию, как моменту основному и ведущему, а не форме. Форма исторически вырастает из содержания и объясняется им; форма только выявление содержания. Иванов же в основу своей работы кладет не функцию, не содержание, а форму.

Иванов формалист.

Это еще не все. Формалисты признают так называемую отрицательную форму. Если слово в начальной своей форме аффикса и не имеет, но может его иметь, например, при склонении или спряжении, то такое слово считается имеющим форму, формальный признак.

Иванов отрицает такое понимание формы и категорий. Для него форма, категория—только наличие аффикса. Таким образом Иванов суживает понимание формы. Иванов не просто формалист, он узкий формалист.

2. „В чувашском языке нет формальной разницы между именами существительными и прилагательными“, пишет Иванов (§ 48). Исходя из такого положения, Иванов не делает и не видит никакого различия между так называемыми существительными и прилагательными. Признание их, по Иванову, только одна схоластика.

Лаша—лошадь, симёс—зеленый. Имеется ли между ними какая-нибудь формальная разница? Налицо нет, но может быть. Слова типа лаша могут свободно склоняться, иметь притяжательные аффиксы всех трех лиц: лашам, лашу, лаши; могут перед собой иметь определение: кавак лаша. Слова типа симёс ограничены в склонении, не могут иметь перед собою определения, но зато могут иметь сравнительную форму—симёсрех и усилительные частицы вроде „пит, ытла та, шутсар“ и др.; не могут иметь притяжательных аффиксов двух первых лиц: нельзя говорить симёсём, симёсү; могут иметь аффикс третьего лица, но последний здесь указывает только выделение: „симёсси“; принадлежности совсем не указывает; слова типа симёс в предложении служат преимущественно определением и без всякого изменения ставятся перед тем словом, которое определяют: симёс апат. Если же перед апат поставить слово лаша, то мы здесь замечаем изменение и в слове лаша и в слове апат: получаем „лашайан апафё“ или, сокращенно, „лаша апафё“. Следовательно, формальная разница между этими двумя типами слов имеется. Их не видит только Иванов, благодаря своей узости в отношении понимания формы. Таковая формальная разница между двумя данными типами вызывается тем, что каждый из них имеет свою значимость, свою функцию, свою „логику“. Слова типа „лаша“ выражают идею субстанции, слова же типа „симёс“—идею свойства, качества, признака.

Отрицать в чувашском языке деление имен на существительные и прилагательные только, потому, что у некоторых из них в начальной форме не бывает никакого аффикса, это опять

значит быть формалистом, даже узким формалистом и, кроме того, забывать самое главное: основное: значимость, функцию.

3. „Выделение Ашмариным особого винительного падежа не выдерживает критики. Оно основано на законах других тюркских языков и на рассмотрении переводов на чувашский язык“, пишет Иванов (§ 12). Ещё киле кайатап. Ещё сехете сұхатрәм. Здесь, по Иванову, слово „киле“ и „сехете“ по форме ничем не отличаются друг от друга, если даже мы будем падежи признавать. Так ли все это?

Во-первых, слово „киле“ может принять аффикс „ле“: Ещё килелле кайатап; слово же „сехете“ аффикс „ле“ принять не может: нельзя говорить „Ещё сехетелле сұхатрәм“. Во-вторых, без значительного изменения смысла и образуя из формы эффатической или определенной форму неэффатическую или неопределенную, слово „сехете“ можно передать без окончания: Ещё сехет сұхатрәм; слово же „киле“ в данном случае без окончания употреблять нельзя: не говорят „Ещё кил кайатап“. Таким образом здесь со стороны формы имеется разница. В-третьих, „киле“ отвечает на вопрос „а́ста“? куда? и указывает пункт, куда направляется действие (дательный падеж); слово же „сехете“ отвечает на вопрос „мёне“? что? и указывает объект действия (винительный падеж). „Но эта разница чисто логическая“, пишет на это Иванов (стр. 10). Таким образом, Иванов здесь „логику“ сознательно подчиняет форме, а не наоборот. Следовательно, и здесь Иванов выступает формалистом.

Для Иванова прежде всего, „язык важен со стороны форм и отношений“ (12 стрн.), при изучении языка „на первый план“ нужно ставить „форму“ (25 стрн.), „когда устанавливаешь форму, всегда нужно иметь внешний признак“ (18 стрн.), а не выявление и „описание различных значений форм имен и глаголов“ (чебоксарские тезисы, п. 1, лит. „д“).

4. Для Иванова „лашанән сурәмё“ и „лаша сурәмё“—„две совершенно разные формы“. Точно также две совершенно разные формы представляют для него „сехете сұхатрәм“ и „сехет сұхатрәм“. Почему?—Потому, что здесь в одном случае имеется аффикс, а в другом нет, а такие слова, по Иванову, нужно рассматривать отдельно, „а не сблизать их на основании того, что смысл их во многом сходен“ (13 стрн.). „Какая это форма, которая может употребляться в полной форме—с аффиксом и в форме сокращенной—без аффика? Ни один язык не знает такой грамматики!“ пишет Иванов (стрн. 8). Во-первых, зачем нам другие языки: ведь Иванов сам против того, чтобы мы свою грамматику строили по образцу других грамматик. Во-вторых, в других грамматиках: татарском, грузинском, русском, немецком и др. такие случаи имеются. Чтобы убедиться в этом, стоит только посмотреть любую грамматику по этим языкам: татарский винительный: сарыкны и сарык—овцу; русский винительный: карандаш и ручку; др.-слав. винительный: камене и камень; немецкий дат.: дем фельсен и дем фельс—скале; в грузинском родительный усеченный совпадает с именительным: швили-сын, швилис-сына, швили

швили—сына сын (внук). Имеются они и в чувашском языке: так называемый родительный определенный, усиленный—с аффиксом и родительный неопределенный—без аффикса и др. В-третьих, сам Иванов формы „манан“ и „ман“ (76 стрн.) следовательно, „вёсенён“ и „вёсен“, „унан“ и „ун“, „санан“ и „сан“ считает за формы полные и сокращенные, усеченные. В таком же положении друг к другу находятся и приведенные выше слова: лашанан и лаша, лашасенён и лашасен, сехете и сехет. И здесь мы со стороны Иванова видим преклонение перед аффиксами и подчинение значения звуковой стороне слова.

5. Аффикс является одною из грамматических форм. В свою очередь каждый аффикс представляет собою единство его звукового состава и значения при ведущей роли значения. Как относится Иванов к этому единству? И здесь он примат придает не значению, не семантике, а внешней, звуковой стороне.

В чувашском языке деепричастная форма „каласассан“ получается от „каласа“ + „ссан“ (тат. сунг—после). „Каласассан“ в сокращенной форме дает „каласан“. Форма „калассан“ есть форма родительного падежа*) от будущего причастия „калас“. Последний звук слова „калас“ здесь удваивается, как во многих словах этого типа: каймаккан, лайаххан, вёррен. В одном случае аффикс „а“ является показателем дат.-вин. падежа: сурях-а—овце, овцу), а в другом—показателем слитного деепричастия: кур-а (видя).

каласа-ссан		калас-сан (вм. каласс-ан)
каласа-н		лаша-н
кур-а		сурях-а

В приведенных здесь случаях аффиксы „ссан“ и „сан“ (вместо „ан“), аф. „н“ в словах каласан и лашан, аф. „а“ в словах кур-а и сурях-а Иванов считает за один и тот же аффикс (последний только предположительно). „Раз внешние признаки одинаковы, мы не должны их рассматривать отдельно“, пишет Иванов (стрн. 23, 25, 76).

В настоящем времени отрицательная форма получается от прибавления аффикса „мас“: вула-т—читает, вула-мас-т—не читает; в будущем от прибавления аффикса „м“: сыр-ё, сыр-м-ё; в прошедшем очевидном и неочевидном от „ма“: кай-рё, кай-ма-рё; кай-на, кай-ма-н. Частицы „мас“, „ма“, „м“ все одного происхождения: мас > ма > м и показывают отрицание. Частица „ма“ встречается еще в супине: вула-ма—чтобы читать, кай-ма—чтобы идти и показывает назначение, цель. Она здесь получилась от частицы „мак“: кай-ма < кай-мак (каймакшан|каймакшан). И вот Иванов, на основании общности внешних признаков, отождествляет аффиксы „ма“ в том и др. случае, а форму „вула-мас-т“ разлагает на „вула-ма-ст“.

В этих последних примерах мы видим не только подчинение значения форме, но и полное отрицание значения.

*) Форму „калассан“ некоторые лингвисты рассматривают как особую обстоятельную форму, окончание которой совпало с окончанием родительного падежа.

Такое отрицание значения из-за общности внешних признаков мы в книге Иванова встречаем сплошь и рядом. Он здесь даже доходит до отрицания омонимов, слов, имеющих одинаковый звуковой состав, но разное значение: „Кил-е, кил-тен; сыр хёрёнѣ, сыр-па—здесь основы сыр и кил выступают как склоняемые основы; кил-ѣ, сыр-тѣм, сыр-тѣ-мѣр—в этих же словах те же основы (т. е. основы склоняемых слов. Ф. Т.) выступают в качестве спрягаемых основ,“ пишет Иванов (32 стр).

Таким образом, для Иванова такие случаи, как сыр (тат. йаз)—пиши и сыр (тат. йар)—крутой высокий берег, или пѣр (тат. бор)—поверни и пѣр (тат. боз)—лед, или пит (тат. бит) и пит (тат. бик)—очень являются одним и тем же словом.

Это лишний пример отрицания Ивановым логики языка из-за общности звукового состава слова.

Вследствие крайнего увлечения формой и пренебрежительного отношения к семантике, Иванов иногда не различает разновидностей одной и той же формы или ее изменения.

Несмотря на то, что в моей грамматике даны соответствующие звуковые корреспонденции (п||м, § 52; а||у, § 28) и необходимые семантические связи между словами (§§ 54 и 181), Иванов не может понять, что слово „пур“—есть, и слово „мар“—не, нет, имеют одно общее происхождение (ср. также тѣпе—верх и тѣп—низ, хыв—снимать (одежду) и хыв—закладывать (мост), ыра—добрый дух и злой дух, сылтѣм¹—правый и султѣм¹—левый; чув. пар—давай и рус. бер-и и др., а также см. „Ленинский сборник, т. IX, стр. 33, заметки: „В немецком языке иногда слова имеют противоположное значение“... „Противоположности, неразрывно связанные“); не понимает Иванов и др. подобные случаи, и находит такое объяснение только „кабалистикой“, „алхимией“, „черной магией“ (стр. 26).

6. По утверждению Иванова, падежи, кроме своих аффиксов, после себя не могут иметь никакого другого аффикса. Върман ситѣнет. Вѣсен йалне карѣмѣр. Здесь, по Иванову, върман не может быть формой именительного падежа и подлежащим; вѣсен не может быть формой родительного падежа, потому что они после себя могут иметь другие аффиксы, например: върманлѣ, вѣсенни (14;74). Такое требование, предъявляемое к падежу, только абсурд, выдумка Иванова. От слова „Иван“ получается „Иванов“, от слова „Иванов“—„Ивановский“, от „их“—„ихний“, но это не значит, что на своем месте „Иван, Иванов“ не слова в именительном падеже, а „их“—не слово в родительном падеже.

В русском языке чувашским послелогам соответствуют предлоги. Рассуждая по Иванову, мы слова типа „чему, конец, месте“ не должны считать падежными, потому что они могут слиться с предлогами и дать наречия или предлог в виде „почему, наконец, вместе“. Но так никто не рассуждает.

Полное подчинение „логики вещей“ форме, сужение самого понимания формы—вот те основные положения, исходя из которых Иванов критикует чувашские грамматики и строит новую грамматику.

7. В увлечении Иванова аффиксами имеется еще другая ошибка.

То, что в грамматике называется категориями речи, отличается друг от друга не одним только признаком, а наличием в них ряда признаков. Эти категории могут иметь и общие признаки. В одних категориях их, как и разностей, может быть больше, в других меньше; могут быть переходные моменты, исключения. Следовательно, грамматические категории до известной степени условны. Но условность группировки не значит, что этих самых категорий с совокупностью отличительных признаков, им присущих, нет. Иванов упускает из виду эту совокупность признаков, отличий, как частей одного целого, действительно считает только один признак (наличие аффикса), им излюбленный, и, в случае отсутствия этого признака, он отрицает и другие признаки, все целое.

Для такого отрицания Иванов приводит мотив еще такого порядка. Он жалуется на то, что до него авторы усложняли чувашскую грамматику, что грамматику надо строить не сложную, а простую, самую тоненькую. Предположим, что Иванов прав. Но такую простую грамматику построит ли он сам?

Иванов будет изучать аффиксы—простые и сложные. А сколько в чувашском языке простых и сложных аффиксов. Подсчитыванием их я не занимался, но в некоторых агглютинативных языках такие подсчеты сделаны. Так, например, в языке коми одним автором всех аффиксов, простых и сложных, выводится около 3500; в некоторых тюркских языках количество их будто теоретически можно довести до 10 тысяч. В чувашском языке, скажем, их значительно меньше—ну, около 1000. И вот в школах примутся за изучение аффиксов. Изучают, скажем, 101-й аффикс. А запомнили ли учащиеся пройденные 100 аффиксов? Главное—как хорошо поняли они их значения, функции? А их взаимную связь? Изучение аффиксов („склоняемых слов“ Иванова), без дальнейшей классификации их, это будет не наука, а мука; кроме того, увлечение только формой слова. При изучении же их по категориям на первый план выдвигается наиболее из них активные, важные и притом так, что главное внимание при таком подходе будет обращать не на форму, а на семасиологию. При таком подходе мы в школе о многих аффиксах можем и не говорить, их значения и функции может определить сам ученик, используя опыты по изучению пройденных основных и узловых категорий. Классификация, приведение явлений в систему и определенную связь между собою не усложняет дело, а только облегчает и углубляет понимание и практическое применение его. Можно изучить все 500 или 1000 аффиксов, перечислить их по списку, но если не будет классификации, не будет и науки. Запомнить 92 элемента химии не трудно, но это еще очень далеко от знания химии. То же самое, но еще в большей степени, в языке.

Грамматика не есть только учение об аффиксах, а есть нечто гораздо большее. Оно есть, как говорит материалистиче-

ское языкознание, учение о категориях, связях (отношениях) и закономерностях языка, являющихся способом специфического, отражения через общественно-классовое сознание категорий, связей и закономерностей объективной действительности.

По неоднократно выраженному Иванову (на докладе от 10 июля 1930 года), категории, в том числе и падежи, установленные в грамматике, только „карточные домики“ или „мыльные пузыри“, которые разрушаются при малейшем к ним прикосновении (при малейшей критике). Так ли все это? Во-первых, Иванов свое „учение“ ничем не доказал; наоборот, „мыльными пузырями“ оказались его свои собственные утверждения. Во-вторых, приходится констатировать, что грамматические категории находятся в тесной связи с диалектическим раскрытием в языке логических категорий, или высших философских понятий, выражающих наиболее общие и основные отношения, формы по связи объективной действительности—природы и человеческого общества, например, сущности и явления (материи и движения), качества и количества, пространства и времени, причины и цели и др.

В грамматике чувашского языка эти категории, говоря грубо схематически, отображаются таким образом: идею субстанции (сущности, материи, субъекта и объекта) выражают имена существительные; идею движения и изменения—глаголы; идею качества, свойства—прилагательные качества, наречия качества, наречия образа действия; идею пространства, места—местные падежи (местный, исходный, входный падежи и творительный места), послелого места (существительные и местоимения с послелогом), прилагательные места (урамри, килти), наречия места (йста; инсе, катара); идею времени—глаголы (изменение их по временам), прилагательные времени (пайанхи, пасърхи), наречия времени (пайан, пасър), временные причастия (настоящее, будущее, прошедшее), деепричастия времени (кайиътен, кайсан, кайнаранпа), идею количества, числа—числительные, прилагательные количества (нумай, сахал), наречия количества (нумай, сахал, висхутъен), деепричастия количества (каймассерен); идею причины и цели—причинноцелевой падеж, дательный цели; творительный причины, исходный причины, деепричастия цели (супины).

Логические категории в грамматике отражаются не в виде копии, а опосредственно, своеобразно. Все логические понятия представляют собою одно неразрывное целое, ни одно из них немислимо без других. И такое единство, как мы видели, отражается в грамматике: каждая грамматическая категория выражает собою идею не одной только логической категории, а нескольких логических категорий.

Кроме отражения логических категорий и их разветлений и в непосредственной связи с ними, как особый вид сознания, мы в грамматике видим еще отражение психологических моментов, того, что человек переживает, или отражение особенностей восприятия человеком объективного мира. Категория прошедших

времен является отражением логической категории времени, но деление прошедших времен на определенные и неопределенные, или на очевидные и неочевидные, или употребление преднастоящего времени для выражения вежливости является уже моментом психологическим. Наличие для ряда категорий и подкатегорий форм простых и эмфатических или перестановка слов в предложении, в зависимости от степени ударенности их, и ряд других случаев тоже являются моментами психологическими. Такие моменты в грамматике заслуживают не менее серьезного внимания. По заметкам Ленина, психология относится к одной из „тех областей знания, из коих должна сложиться теория познания и диалектика“. В данном случае сказанное о психологии имеет прямое отношение к диалектике языка и его грамматики, как один из путей, ведущих к познанию последних.

Бытие, реальная объективная действительность определяет сознание. Сознание, мышление, на основе производственных и социально-политических отношений, определяет содержание языка, его строй, категории, закономерности. В силу такой связи, в настоящее время неоднократно подчеркивается (ак. Марром) необходимость выявить в строе языка и грамматике отображение социально-экономических отношений.

Кроме того, язык, грамматика имеют свою внешнюю, формальную сторону.

Определение и установление грамматических категорий должно производиться не на наличии только аффиксов, как этого требует Иванов, а на единстве их социально-логического содержания и формы. Пересмотр грамматических категорий с таких точек зрения должен многое изменить в построении грамматики. В настоящее время, однако, пересмотр грамматических традиций только что начинается.

8. Иванов устанавливает две основные группы слов: слова склоняемые и слова спрягаемые. Деление, как известно из любой грамматики, самое старое и обычное. Но у Иванова термин „склоняемые слова“ понимаются очень своеобразно. Туда у него входят и существительные, и прилагательные, и наречия, и деепричастия. Такое толкование термина „склоняемые слова“ самое произвольное даже с точки зрения формы. Склоняемыми называются слова, изменяющиеся по падежам, а Иванов падежей не признает. Раз падежей нет, как слова могут склоняться? Во-вторых, многие группы слов, введенные в склоняемые, как норма, не склоняются, например, наречия, некоторые причастия и деепричастия. Бывает ли слово „пафър“ в именительном падеже и подлежащим? Можно ли сказать пафър-ан, пафър-а, пафър-сем, пафър-сене и т. д.?—Нельзя. Можно ли сказать калама-нан, калама-на, калама-ран, калама-семпе, калама-сенбен?—Нельзя. Можно ли сказать каланай-ра, каланн-а, каланай-сем, каланай-сенбен?—Нельзя. Для подтверждения своих положений Иванов во многих случаях прибегает к исключениям, особым случаям, переходным моментам (стрн. 20, 29, 97). Но исключения и переходные моменты не надо смешивать с основными

формами и категориями: это значит не замечать движения языка и все подводить под один знаменатель. Гражданин X дер. Уйкасов изредка бывает в городе, но это еще не значит, что он городской житель. Жители пригородных селений в городе бывают чаще и живут несколько иначе, чем непригородные, но и они еще не городские жители. И, наоборот, городские жители часто бывают в деревне, но это не значит, что они деревенские. Может быть и так, что гражданин X в деревне имеет дом, а в городе квартиру; в городе работает 10 месяцев, а в деревне два, или наоборот. Говоря грубо аналогично, нечто подобное имеем и в грамматике. Например, многие слова, в основном несклоняемые, в некоторых случаях, в силу разных движений в языке, могут иметь падежное окончание. В третьих, Иванов группу „склоняемых слов“ рассматривает как нечто неизбежное и не подлежащее дальнейшему изучению. Деление их в свою очередь на подкатегории он считает делом „поповствующего метода“, миссионерщиной. Но что же делать исследователю, когда эти слова не только по значимости и функции, но даже по своим формальным признакам напрашиваются на деление следующей очереди: слова типа „пулăсă, сыру“ составляют одну группу; типа аслă, пайанхи—другую; иккĕмĕш, икшер—третью; кайакан, тăвакан—четвертую и т. д. Почему деление „склоняемых слов“ на такие группы и обозначение их особыми терминами является миссионерщиной, когда оно вытекает из самого существа языка? Единственно более или менее обоснованным ответом, и то очень сомнительным, может быть только такой, что такое деление не по силам ученикам первой ступени.

По утверждению Иванова, чувашские „грамматисты слова, имеющие одни и те же формы, часто относят к двум, к трем категориям“, и что такое отнесение не соответствует особенностям чувашского языка и противоречит марксистскому изучению языка (чебоксарские тезисы, п. 1, „б“). „Хĕлле ситрĕ“ и „Санталăк хĕлле сивĕ тăрат“; „Сулла вара кашкăрăн пурăнасĕ йăварах мар“ и „Вăл мана кашкăрăн пăхат“. Здесь „хĕлле“ в одном случае является существительным, подлежащим, в другом—наречием, обстоятельством времени. В последних примерах слово „кашкăрăн“ в одном случае является существительным, определением-дополнением, в другом случае—наречием, обстоятельством образа действия. В первом случае слово „кашкăрăн“, как существительное, может иметь определение, быть во множественном числе; во втором случае оно, как наречие, может иметь только усилительные частицы как „пит, ытла та“, не может употребляться во множественном числе: нельзя сказать: „кашкăрсенĕн пăхат“. Что делать составителям чувашской грамматики, когда эти слова на самом деле имеют несколько функций, а наука, языковедение требует, чтобы примат придавался функции? Множественность функций чувашских слов вытекает из той стадии, которую переживает современный чувашский язык, которую Иванов признает и таковое признание находит марксистским, а именно: чувашский язык переживает стадию агглютинирующих

языков. Если это так, то чувашский язык, значит, к синтетическим языкам стоит ближе, чем, например, русский язык; значит, в нем, в чувашском языке, много таких слов, которые несут несколько синтаксических функций.

По Иванову, в грамматике не должно быть общих слов, которые можно отнести к нескольким категориям речи, не должно быть переходных моментов. Возьмем теперь арифметику. Имеются ли в ней такие моменты, которые можно рассматривать как общие? $5+5$, $7+7+7$, $20+20$, $70+70+70+70$ и пр.;—что здесь мы видим: сложение или умножение? И то и другое. Или $5/5$, $10/10$, $30/10$ и т. д.—что видим здесь: дроби или целые числа? Общие моменты и как бы переходные случаи имеются даже в математике; тем более они, значит, имеются в языке, который находится в процессе постоянного движения, развития.

Отрицание слов, которые можно относить к нескольким категориям, и переходных моментов есть ничто иное, как метафизический подход. „Для метафизика вещи и их умственные образы, т. е. понятия, суть отдельные, неизменные, застывшие, раз навсегда данные предметы, подлежащие исследованию один после другого и один независимо от другого. Метафизик мыслит непосредственными противоположностями; речь его состоит из: да-да, нет-нет“ (Фр. Энгельс).

Предположим, однако, что Иванов прав. Если так, то мы лишаемся даже возможности деления слов на имена и глаголы, потому что в чувашском языке, в силу именно той стадии, которую он пережил и переживает, многие слова употребляются в одном случае как имя, а в другом как глагол: карт—зарубать и зарубка, суре—борона и боронить, шан—мерзнуть и мерзлый, пура—сруб и ставить сруб, ан—понимание, толк и успевать, тура—гребень и причесать. Несмотря на это, Иванов имена и глаголы друг от друга отличает, значит, он противоречит самому себе.

9. Вторым формальным признаком Иванов выставляет место слов в предложении, порядок слов. Это тоже давно известная истина. Но важно то, что Иванов и к этой особенности слов относится не только формально, но даже как к некоему запретному предмету.

Иванов, между прочим, находит, что в предложении могут быть слова определяющие и определяемые, что определение стоит перед определяемым, „что между словами, определяющими склоняемое слово и глагол, нет никакой разницы“ (60 стрн.). Такое положение Иванов считает окончательным и не подлежащим никакому изменению и детализации (за исключением одного случая, стрн. 53). Однако, имеет ли наука право заниматься подробным изучением слов, являющихся определениями? Придется опять выступить против Иванова и сказать, что имеет, и что не только имеет; но даже должна их изучить самым всесторонним образом. Если мы подойдем к определениям таким образом, то нам определяющие слова по их качеству, функции, происхождению и ряду формальных признаков (аффиксов и др.) придется разбить и на прилагательные (симёс, асла), и на чис-

лительные (икшер), и на причастия (кайакан), и на такие слова, которые могут быть и определением и определяемым (суккар, ыра), определением и послелогом (урла, тарак) и т. д.; придется сказать и то, что существительные и глаголы, кроме общих определений (аван, тёлемелле), имеют еще свои собственные определения: есть слова, которые определяют только имена (ирхи, вярманти), есть слова, которые определяют только глаголы (аран, хёрсе). А раз различные группы определяющих слов выявлены, придется им давать и определенное название. Так наука изучает не только слова—определения, но и все члены предложения. Отсюда отрицание Ивановым категорий существительных, прилагательных и причастий, числительных, местоимений, наречий и деепричастий и сведение их только в одну группу „склоняемых слов“ и больше ничего не могли—это не наука, а запрещение науки, отказ от науки, отказ от раскрытия в вещи, в явлении новых сторон, новых отношений.

Безусловно, существующие грамматические категории можно и нужно пересмотреть, изучить их более детально, назвать их, может быть, другими терминами, более лучшими; может быть, падежи, причастия, деепричастия в скором будущем будем называть не падежами, не причастиями, не деепричастиями, а как-то иначе, лучше, но все это будет не то, что требует от грамматики Иванов.

10. Неделимость „склоняемых слов“ объясняется, как видно из сказанного, еще тем, что Иванов не признает или еще не осознал примата синтаксиса над морфологией. Раз со стороны морфологии эти слова одинаковы, то, по Иванову, производить дальнейшие деления не к чему. Между тем, если бы Иванов к ним подошел со стороны их функции и синтаксиса, то обязательно пришлось бы их делить на такие группы, которые в основном являются подлежащим и дополнением, определением к имени или глаголу, или тем и другим.

Новое же языкознание, как мы не раз говорили, примат придает не морфологии, а синтаксису. У Иванова мы видим обратное. О синтаксисе он говорит очень мало; о структуре речи, о предложении, о его составе, о синтаксических категориях совсем молчит. Даже в отношении изучения аффиксов Иванов предпочтение оказывает не аффиксам склонения и спряжения, как наиболее активным и существенным, а аффиксам словообразования. „Из явлений чувашского языка в первую очередь нужно рассмотреть аффиксы словообразования“, пишет он (стрн. 28).

11. Развитие языка, как и всякого явления, не есть простое суммирование его частей. Оно идет путем усложнения и изменения, путем борьбы противоположностей и перехода в новые, более сложные формы, благодаря синтезу отдельных, более простых частей, из которых образуется эта новая форма. Ни одна высшая форма движения не может быть поэтому сведена к низшей, хотя изменения в высшей всегда связаны с изменениями

в низшей. Низведение высшей формы к низшей и рассматривание ее как сумму отдельных ее частей есть механистический подход к изучаемому предмету.

Посмотрим с этой точки зрения на то, как Иванов рассматривает „основы“ грамматики чувашского языка. Во всем своем труде и в заключительной его части (стрн. 121 и 122) Иванов всю грамматику сводит к словам с аффиксами и без аффиксов и к перестановке слов. В этом все „основы“ грамматики Иванова. Отсюда Иванов пишет о том, что „морфология и синтаксис“ чувашского языка крайне просты. В чем здесь ошибка Иванова? В том, что он к языку подошел только аналитически, синтетического подхода у него совсем нет. Между тем с помощью синтеза образуются новые формы, более сложные и высшие, с новым содержанием, с новыми качествами. По Ленину, каждый предмет следует изучать как „соединение анализа и синтеза“, как „разборку отдельных частей и совокупность, суммирование этих частей вместе“ в их диалектическом единстве, которое не есть простая сумма составляющих его частей, а нечто высшее. У Иванова анализ, хотя и очень урезанный, имеется, но синтеза никакого нет, тем более нет синтеза с новым содержанием, с новыми качествами; он грамматику представляет только как простую сумму составляющих ее отдельных элементов—слов, аффиксов и перестановки слов. Такой подход к языку есть самый простой, ничем не прикрытый механистический подход.

По этой причине, а м. б. и по каким-либо другим соображениям, Иванов ничего не говорит о высших, об основных, о коммуникативных единицах речи: о предложениях, о их структуре, о их типах. Точно также отрицание Ивановым категории падежей или категории некоторых частей речи является результатом не только его узко-формалистической концепции, но и грубого механистического подхода к языку, отказа от обобщения того, что по своей природе напрашивается на обобщение.

12. Основная установка Иванова—упрощение, самая жиденькая грамматика. Принцип упрощенства в исследовании языка Иванов проводил в своих статьях и докладах еще в 1930 году. Этот принцип Иванов выдвигает и сейчас. Самое упрощение Иванов приводит разными способами. Одним из таких способов является отказ от второстепенных грамматических категорий, например, отказ от деления „склоняемых слов“ на следующие группы; отказ от промежуточных категорий, от переходных моментов—проведение метафизического начала. Вторым способом по упрощению Иванов выдвигает проведение в грамматике узко формального принципа: имеется аффикс—имеется категория, группа; нет аффикса—нет и категории. Этот способ отчасти совпадает с первым, но имеет и самостоятельное применение. Примеров на этот случай мы приводим выше. Третьим способом упрощения является механистический подход, сведение всей грамматики к аффиксам и перестановке слов. Четвертым способом по упрощению является прямое изъятие фактов языка

из-под ведения грамматики. Для иллюстрации этого способа приведем еще следующий случай. На 21 стрн. своей книги Иванов признает существование в чувашском языке сложных глагольных форм вроде „кайна пулагтам, кайна пулин“ и др., но на 23 стрн. он уже выкидывает их из грамматики: введение сложных глагольных форм „лишь усложнит изучение языка“, пишет он.

Результаты упрощений и всего своего учения Иванов подытоживает таким образом: „Грамматика, построенная на таком ограниченном количестве законов—не может быть трудной. Нужно сказать больше: нельзя вообразить себе более легкой грамматики“ (122 стрн.). Я очень верю, что такая грамматика очень проста и легка, но беда только в том, что она не научная грамматика, а как бы только учебник для первой ступени. Сложные и более трудные формы, а также второстепенные деления можно не включать в программу какой-либо школы низшего или повышенного типа, но чтобы такой принцип положить в основу построения научной грамматики и исходя из него критиковать труды по языку, такой подход ничего общего с наукой не имеет. Если даже в основу построения грамматики положить то „ограниченное количество законов“, которые приводятся Ивановым на 122 стрн. своей книги, то даже и в таком случае можно написать, хотя и односторонний, но все же очень солидный труд.

Здесь, в связи с рассмотрением принципа упрощения грамматики, уместно поднять такой вопрос: насколько такое упрощение достигает поставленной цели, если к грамматике подходить хоть сколько-нибудь серьезно. Иванов из категории глаголов снимает слова типа „вулан“ и „вуланӑззе“. Для глаголов это, скажем, хорошо: они упрощаются. Но ведь выкинутые формы где-нибудь все равно нужно пристроить и здесь объяснить все те значения и функции, которые они имеют. В данном случае от изъятия их глаголы упростятся, но настолько же, однако, усложнится та категория, к которой они будут отнесены. Следовательно, выигрыша никакого. Возьмем еще такой момент. Иванов „склоняемые слова“ делит на слова, имеющие „прямую форму“ и на слова, имеющие аффиксы словоизменения. Слова, имеющие „прямую форму“, Иванов делит на шесть основных групп (§§ 40—51); некоторые группы, в свою очередь, делит на подгруппы. Таких групп и подгрупп у него в книге приведено семнадцать. Эти группы и подгруппы представляют собою повторение тех категорий и групп, которые Иванов отрицает, с той только разницей, что все эти 17 групп сейчас носят одно общее название „прямая форма склоняемых слов“. (Здесь Иванов, по своему обыкновению, впал в противоречие с самим собою. Он принципиально против того, чтобы в грамматике было много категорий, но не удержался. Как только встал за более подробное изучение „прямых форм склоняемых слов“, он сразу разбил их на 6 основных групп и 17 подгрупп. В число 17 групп не входят причастные и деепричастные формы, якобы ликвиди-

рованные Ивановым, но и последние у него продолжают существовать, только под другим названием или без всякого названия).

Таким образом, „правдою и неправдою“ Иванов старается упростить исследование и изучение чувашского языка, а грамматику изложить таким образом, чтобы она „укладывалась“ еще в более тоненькой книге, чем в обычных „тоненьких книгах“ (стрн. 8). Насколько такое упрощение проводится „неправдою“,— оно достигается, насколько „правдою“,— настолько такое упрощение является только фиктивным. Так как у Иванова больше „неправды“, чем „правды“, то у него упрощение действительно получается.

13. Книга Иванова касается не только исследования языка, но и изучения его в школе. Может быть в этом отношении она имеет ценные указания? Остановимся и на этих вопросах.

а) Занятия грамматикой „чувашского языка имеют четвертую цель. Это—помощь в изучении русского языка“, пишет Иванов (стрн. 3). Понимая данное место как необходимость увязки преподавания чувашского и русского языков, остается его только приветствовать. Но как Иванов рекомендует проводить эту увязку?—Обратимся к его материалам.

„Если мы выбросим из чувашской грамматики категорию прилагательных, то это облегчит понимание русских прилагательных“, пишет Иванов (стрн. 51). Во-первых, выбрасывание чувашских прилагательных, как мы уже видели, противоречит существу чувашского языка. Во-вторых; от такого выбрасывания понимание русских прилагательных нисколько не облегчится. Трудность усвоения русских прилагательных зависит не от того, что у чуваш имеются свои прилагательные, а от того, что русские прилагательные изменяются по родам, падежам и числам, а чувашские нет. В-третьих, если мы понятие о согласовании русских прилагательных будем давать таким образом, как это рекомендует Иванов (стрн. 53 и 54), то мы только затрудним понимание этого согласования; кроме того, будем искажать чувашские прилагательные и путать их. В частности, почему Иванов русское выражение „Чистая бумага в шкафу, а исписанная на столе“ хочет передать обязательно в форме „Хут таси шкапра, сырни сётел синѳе“, а не в форме „Таса хут шкапра, сырни сётел синѳе“? Или почему Иванов выражение „Эта бумага белая, а та синяя“ хочет передать обязательно в форме „Ку хут шурри, въл кавакки“, а не в форме „Ку хут шурѳ, въл кавак“? И вот на таких шатких положениях, к тому же весьма далеких от русского согласования, Иванов хочет облегчить понимание согласования русских прилагательных. В-четвертых, какое это будет согласование, если мы о самых общих явлениях чувашского и русского языков будем говорить по-разному: в русском языке под склонением будем понимать изменение слов по падежам, а в чувашском языке совершенно другое, относительно русского языка будем говорить, что в нем имеются существительные, прилагательные, местоимения и др., а относительно чувашского языка будем говорить, что в нем

таких категорий нет, что чувашский язык до них не дорос, что в нем слово „лаша“—не существительное, „симёс“—не прилагательное и т. д. Такая увязка—не увязка, а искажение идеи об увязке, только ложное толкование о явлениях чувашского языка.

б) Может быть, Иванов дает ценные методические указания в области преподавания самого чувашского языка? По этому вопросу остановимся на одном примере, особенно типичном для Иванова.

„Основой будущего времени является основа спрягаемого глагола, т. е. форма 2-го лица ед. числа повелительного наклонения“. „Но все же будущее время в целях педагогических удобнее образовать из отглагольного имени на аффикс у, ү: каласу—разговор, сүрү—хождение. При образовании будущего времени из этой формы нужно лишь откинуть конечные у, ү и вместо них прибавить личные аффиксы: калас-ап, сүр-ёп“, пишет Иванов (стр. 80).

Значит, чтобы образовать будущее время от основ „сыр, калас, лар“, ученик сначала должен образовать от них „сыру, каласу, лару“; потом отбросить „у“ и получить снова „сыр, калас, лар“ и только после этого к полученной форме прибавить личные окончания „ап, ап, ё“: сыр-ап, калас-ап, лар-ё“. Спрашивается: к чему здесь прибавление и откидывание аффикса „у“, когда личное окончание прибавляется непосредственно к основе!

Если же будущее время будем образовывать от основ на „а, е“, то здесь при таком приеме тормоза встретим еще больше. Для образования будущего времени здесь ученик сначала должен будет отбросить гласные „а“ и „е“: калас>кал сүрө>сүр, потом к оставшейся части слова прибавить „у“, „ү“: калу, сүрү. Такое образование большинству учащихся будет даваться труднее, так как здесь обычно отглагольное существительное образуется не в виде калу, сүрү, а в виде калас, сүрев. Затем ученик должен отбросить прибавленные „у, ү“ и заменить их личными окончаниями. „Прошедшее совершенное время“ Иванов рекомендует образовать точно таким же образом: сыр>сыру>сыр>сыр-тәм. Такой прием является не заведением педагогической мысли, а насмешкой над ней.

в) Может быть, Иванов подвергает глубокому анализу причины, порождающие то „безотрадное положение“, в котором находится преподавание чувашского языка, и указывает меры для устранения этих причин? Да, Иванов справедливо указывает, что преподавание чувашского языка в чувашских школах поставлено плохо. Основной причиной такой постановки он находит неразработанность грамматики чувашского языка. Анализ явно неправильный. Основная причина плохой постановки преподавания чувашского языка—отсутствие учебников по нему. Учебников по чувашскому языку (по грамматике) не было и не имеется не только для школ повышенного типа, но даже не для всех групп школы первой ступени. Это несмотря на то, что Академический центр Чувашнаркомпроса, ныне преобразованный в Учебно-методический сектор, существует уже 12 лет. Как бы, например, было поставлено преподавание русского языка или арифметики,

если бы по ним не было учебников? Преподавание их и теперь не стоит на должной высоте, но если бы не было по ним учебников, то оно обстояло бы в десять раз хуже, чем сейчас. Такое же значение имеет учебник и в деле преподавания чувашского языка.

г) Книга Иванова появилась в свет через три с половиною месяца после опубликования постановления ЦК ВКП(б) о начальной и средней школе. Следовательно, была возможность внести в нее соответственные изменения хотя бы в качестве особого послесловия. В каком соответствии находится книга Иванова с постановлением ЦК ВКП(б) о школе? Как Иванов думает поставить изучение чувашской грамматики в политехнической школе? 1) В объяснительной записке к программе по родному языку, составленной НКП РСФСР на основе этого постановления, говорится: „Основа языка—его познавательная, смысловая функция; форма же второстепенное, хотя и нужное. Работа по программам должна являться борьбой с формализмом, отрывающим форму от содержания, кладущим в основу форму“. Иванов поступает наоборот: он в основу кладет форму. 2) Новая программа при изучении языка из разных отделов грамматики примат придает синтаксису, предложению; в основу определения частей речи кладет „значение“ слова и „форму связи“ его „с другими словами“, место слова в предложении; у Иванова в изучении грамматики и в делении слов на категории решающую роль играют аффиксы, наличие их. Синтаксис же в изучении Иванова занимает очень и очень незначительное место. 3) Исходя из единства содержания и формы, новая программа форму и аффиксы не отрицает, она изучает и форму и аффиксы, но в первую очередь требует изучения „наиболее из них актуальных и действенных“. Иванов же в первую очередь рекомендует изучать аффиксы менее актуальные, аффиксы словообразовательные, а не синтаксические. Кроме того, самые аффиксы Иванов изучает не как единство их звукового состава и значения при ведущей роли значения, семантики, а наоборот: он и здесь примат придает не значению, а звуковой стороне. „Раз внешние признаки одинаковы, мы не должны их рассматривать отдельно“, пишет он. 4) Новая программа требует выявления „изменения“, движения языка, „показать изменения различных форм“ языка в связи с изменениями его базиса; даже в 4 группе начальной школы детям дается понятие о происхождении речи; Иванов же исторический подход к языку отрицает даже в пособии для учителей, для него это только увлечение стариной. 5) Новая программа требует дать понятие о происхождении частей речи, говорит „о переходных моментах, об „изменении значений слов и их функции в зависимости от употребления их в речи“; Иванов, наоборот, отрицает их, для него не должно быть никаких переходных моментов и слов, которые можно бы по их функции отнести к разным категориям. 6) Новая программа требует дать понятие о „едином языковом процессе“, о „взаимодействии“ родного и ок-

ружающих языков и русского языка в части словаря, словообразовательных элементов. По Иванову, „сравнительное изучение языков“ „недоступно учащимся“, оно для них только „мешанина“, материалов на такую тему не должно быть даже в пособии для учителей, а сравнение чувашского языка с русским—„самое негодное дело“ даже в капитальных трудах по языку*). 7) Новая программа требует дать точное „знание фактов“ языка и их связей; Иванов же, как видели выше, к фактам языка относится в высшей степени поверхностно. 8) Новая программа по языку дает понятие о национальной и языковой политике ВКП(б) и Советской власти и требует, чтобы политехническая школа проводила ее в жизнь. Одним из видов языковой политики является создание научной терминологии на национальных языках. Иванов является противником создания терминов на чувашском языке, как он об этом заявил в своем выступлении 1 января 1932 года в гор. Чебоксарах на конференции учителей, когда рассматривалась новая программа по языку, присланная НКП РСФСР. По заявлению Иванова, чувашам не следует заниматься созданием терминологии на чувашском языке, а следует употреблять термины на русском языке. Исходя из такого взгляда, Иванов в своих статьях на чувашском языке почти все грамматические термины употребляет на русском языке (предложение, подлежащее, глагол, падеж, винительный падеж, причастие, причастие долженствования, деепричастие, деепричастие условно-временное и др.). Такое отношение к созданию научной терминологии на национальных языках есть ничто иное, как явный уклон от политики партии по языковому строительству.

Так разрешает Иванов вопросы „изучения“ „чувашской грамматики“ в политехнической школе.

14. Теперь возьмем учение самого Иванова об аффиксах, которое преподносится настоящей его книгой. Что оно представляет собою? Оно во многом представляет собою подражание „Очерку синтаксиса русского языка“ и некоторым др. произведениям М. Н. Петерсона, признанного даже формалистами (умеренными) выразителем крайнего увлечения формальным направлением в грамматике: а) Петерсон не признает приоритета значения слов при установлении их категорий: существительных, прилагательных, числительных и т. д.; он в основу классификации слов кладет не функцию, а форму; так поступает и Иванов. б) Петерсон не

*). После того, как было написано изложенное здесь, появилось постановление ЦК ВКП(б) от 25 августа сего 1932 года „Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе“. Безусловно, согласно этого постановления, в программы будет внесен ряд изменений в сторону улучшения их. Улучшения и уточнения, безусловно, будут произведены и в области программ по родному языку. В частности, в отношении программ по языку в постановлении ЦК ВКП(б) от 25 августа имеется следующее директивное указание: „Значительно усилить элементы историзма в программах по обществуведению, по языку и литературе, географии, иллюстрируя основные разделы и темы этих дисциплин необходимым фактическим материалом, историческими экскурсами и сравнениями“ (подчеркнуто мною—Ф. Т.).

признает (в морфологии) сложных глагольных форм вроде „буду писать, стану сказывать, пусть скажет“ и т. д; не признает сложных глагольных форм и Иванов. в) Петерсон рассматривает формы словосочетания и формы словоизменения, разгруппировав их на 33 основных раздела с 2—6 подразделениями в каждом; по этому же методу хочет работать Иванов; только одни „прямые формы склоняемых слов“ он делит на 6 основных случаев; всего же он их делит на 17 категорий и подкатегорий (§§ 40—51). Безусловно, между Петерсоном и Ивановым имеется и разница: например, Петерсон считается со значением и функцией слов: слова типа „писал, писала, писало, писали“ относит к глаголам, хотя последние по лицам и не изменяются; Иванов же при классификации слов со смыслом и функцией последних совсем не считается или считается очень мало. Петерсон признает так называемые „отрицательные формы“; Иванов—нет. Иванов выпячивает отрицание переходных моментов, упрощенство; Петерсон—нет. Основная разница между Петерсоном и Ивановым такова, что Иванов является более крайним формалистом, чем ультраформалист Петерсон. Имеется еще одна разница между ними: Петерсон свое учение выдает за формальное направление в грамматике; Иванов же перенимает учение Петерсона, доводит его еще до большего формализма, но скоро начинает выдавать его за „новые начала“; за применение „марксистской методологии“ (Чебоксарские тезисы, п. 1, и).

15. Книга Иванова появилась в декабре 1931 года, но в ней не имеется ничего такого, что говорило бы о проделанных материалистическим языкознанием сдвигах; наоборот, она занимает противоположную позицию, проводит самый крайний формализм, механицизм, метафизику. Иванов пишет об „основных вопросах чувашской грамматики“. „Основные вопросы“ многому обязывают. Раз дело идет об основных вопросах, Иванов должен бы осветить, как рассматривает эти вопросы современная материалистическая лингвистика: вопросы о специфике языка, о происхождении и развитии речи, о классовости языка, об отношении между содержанием и формой языка и о борьбе между ними, о переходе количества в качество и обратно и о единстве взаимопроникновения и противоположностей в области языка, о сущности грамматики, об отношении разных отделов грамматики друг к другу о борьбе с „праязыком“, с формализмом и идеализмом индоевропейцев и т. д. — обо всех этих моментах Иванов ничего не говорит. Понятно, ему, как формалисту и метафизику, об этом выгоднее умолчать, чем говорить. Таким образом, с одной стороны, Иванов молчит, с другой, он в чебоксарских тезисах свое учение выдает за применение „учения академика Марра“, „историко-материалистического языкознания“, „марксистской методологии“.

Что может быть вреднее и невежественнее такого понимания марксистской методологии!

„В период социализма, когда пролетариат осуществляет окончательное уничтожение классов в условиях обостренной

классовой борьбы, исключительно важное значение приобретают выдержанное коммунистическое воспитание в советской школе и усиление борьбы против всяких попыток привить детям советской школы элементы антипролетарской идеологии"—так подчеркивает ЦК ВКП(б) в своем постановлении о начальной и средней школе „возрастающее значение и роль школы в социалистическом строительстве и предлагает всем организациям вести систематическую и неуклонную борьбу против оппортунистических, антиленинских извращений политики партий в области школьной работы“. Такую борьбу должны вести и в области языка в целом, и в области грамматики в частности, и вести умеючи.

Научно-исследовательская работа от начала до конца требует методологического вооружения. Уже овладение общими знаниями по диалектике дает правильную установку в работе. Тем не менее правильное построение той или другой специальной науки возможно только в том случае, когда исследователь всерьез овладел своею специальностью, своею научною областью, изучил „упрямые факты“ объективной действительности, их связи и закономерности,—лишь при этом условии возможна действительная борьба с буржуазным мировоззрением и победа диалектического метода в данной отрасли знания. На путях к такой победе даже при этих условиях вполне возможны некоторые ошибки и промахи со стороны отдельных научных работников или даже коллектива их. Но, при общей правильной направленности в работе, мы не должны бояться этих ошибок, и, боясь их, сидеть сложа руки, ибо „наше великое целое“, как говорит тов. Луначарский, „эти ошибки исправляет“.

— Редактор А. И. ИВАНОВ.
Тех. редактор А. Т. БЫКОВ.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ.

Стрн.	Строка	Напечатано:	Следует:
7	3 сверху	исследования	исследования
9	1 "	читателю	читателю.
13	21 "	которые критикует	которые им рассматриваются
16	18 "	Иван	Иванов
17	9 "	когда	куда
17	17 "	употребления „а́ста“ (кайа́т)	употребления слов на вопрос „а́ста“ (кайа́т)
19	19 снизу	кайн-а́	кайн-а
23	2 "	VXIII	XVIII
24	14 "	В чувашской грамматике при сравнении с русской	В чувашской грамматике, отчасти при сравнении ее с русской,
25	23 сверху	кто, кого спрягает	кто, кого спрягает
28	17 снизу	стадиональности	стадиальности
35	24 "	указывают	спрягаются, указывают
41	2 сверху	специфического,	специфического
41	16 "	по связи	и связи
48	19 снизу	рекомендует	рекомендует

сн 1 р.

н-1